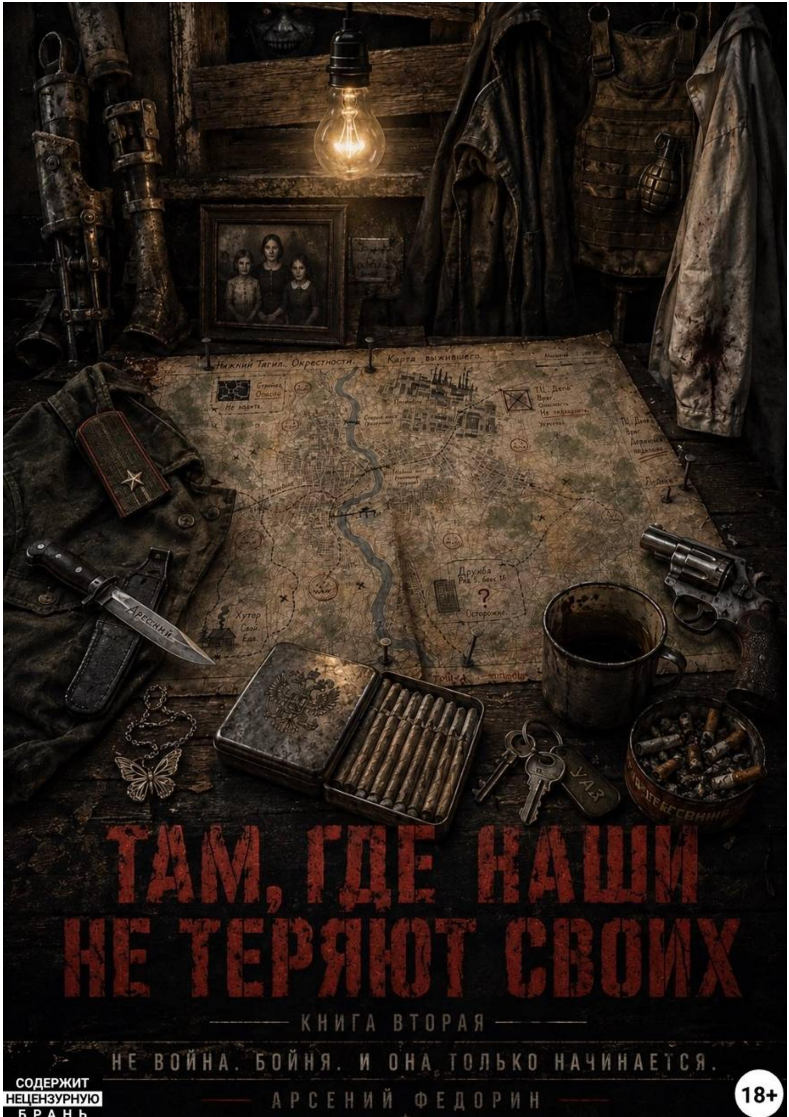

ТАМ, ГДЕ НАШИ НЕ ТЕРЯЮТ СВОИХ
КНИГА ВТОРАЯ
НЕ ВОЙНА. БОЙНЯ. И ОНА ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ.
АРСЕНИЙ ФЕДОРИН
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Арсений Федорин

Там, где наши не теряют своих. Книга вторая

Серия «Те, кто выжил, те, кто остался, те, кто не сдался», книга 2

https://litres.ru/74111629
SelfPub; 2026

Аннотация

Прошёл год.

Крепость, которую они построили зимой, стоит. Здесь пахнет хлебом, сеном и машинным маслом. У них есть огород, скотина, свой распорядок. Арсений думал, что самое страшное осталось в снегах. Но выжить — не значит победить.

За лесом есть другая крепость. Торговый центр. Триста человек, автоматы на вышках, патрули на улицах. Свой порядок. Свой полковник. Свой подполковник Гульбич — человек, о котором даже свои говорят шёпотом.

Арсений не хотел войны. Но она пришла сама.

Предательство, плен, выстрел в живот, операция на кухонном столе. Его прошлое вернулось в виде девушки с голубыми глазами, которую он не успел спасти. И в виде врага, который не остановится ни перед чем.

Они выжили в ледяном аду. Смогут ли они выжить в аду человеческом?

Здесь не будет легких побед. Здесь будут потери, слёзы, грязь и кровь на асфальте. Здесь каждый решает сам: кто свой, кто чужой. И как далеко он готов зайти, чтобы своих не терять.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 36
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Там, где наши не теряют своих. Книга вторая

Пролог

Перед тобой — вторая книга. И я очень надеюсь, что первую ты уже прочитал. Потому что эта — не про выживание в снегах, не про холод, не про первую зиму, когда каждый день мог стать последним.

Первая книга закончилась летом. Теплом. Почти спокойствием.

С тех пор прошёл год. Год, который не вошёл в эти страницы. Год, когда крепость училась не просто выживать, а жить. Когда пацаны доросли до своих погон. Когда Пётр Сергеевич стал не просто соседом, а частью их странной, уродливой, но всё-таки семьи. Год, когда они поверили, что всё наладилось.

Эта книга — про то, что случается, когда заканчивается затишье. Когда враг приходит не с ледяным ветром, а в бронежилете и с револьвером. Когда свои становятся чужими, а чужие — слишком близко. Ты встретишь старых знакомых: Арсения, Алису, деда, пацанов, Петра Сергеевича. Увидишь, как они изменились. Как год спокойствия сделал их сильнее и уязвимее. И ты встретишь новых — тех, кто выжил по-другому. Тех, кто построил свою крепость в торговом центре.

Тех, у кого свои законы, свой полковник, свой подполковник Гульбич — человек, о котором даже старые враги говорят с содроганием.

Первая книга заканчивалась летом. Вторая начинается летом. Только теперь это другое лето.

Спасибо, что вернулся.

Глава 1

Не война. Бойня. И она только начинается.

Обычное летнее утро. Так думали все. До секунды, до скрипа половиц — пока мир ещё держался на честном слове и тонком слое утренней дымки.

Штаб разместился на втором этаже бывшего магазина электроники, в том самом торговом центре, где когда-то пахло попкорном и новыми гаджетами. Теперь витрины заколотили листами фанеры, оставив лишь узкие бойницы — для света, для воздуха, для иллюзии, что снаружи ещё есть жизнь. Но жизнь осталась только здесь, внутри: в густом, тягучем воздухе, который не выветривался даже под утро. Он пах пылью, въевшейся в ковролин, старой проводкой, озоном от вечно гудящего генератора в подсобке и чем-то приторно-сладким — то ли химия из уцелевших упаковок, то ли пластик, медленно плавящийся от июльского зноя, просачивающегося сквозь щели.

Стеллажи с телевизорами вынесли ещё в первую неделю. На их месте — складные алюминиевые столы, исцарапанные карты, пришпиленные к стенам канцелярскими кнопками, и рации, мирно сопящие на зарядке, как уставшие псы. В углу — походная койка, накрытая камуфляжным одеялом, с

проминами от тела, которые ещё не успели расправиться. На столе — остывшая кружка с присохшим на дне кофейным кольцом, пепельница, полная окурков, и планшет с экраном, покрытым паутиной трещин, — будто его сжимали в кулаке, когда нервы сдавали.

В штаб зашёл высокий мужчина. Форма сидела на нём тяжёлой, но привычной кожей. На левом рукаве — метка, чёткое клеймо: ВС РФ. Он остановился на пороге, прищурился, вглядываясь в полумрак, и сказал то, что обычно говорят в обычные утра, которые такими не бывают.

— Товарищ полковник, — обратился он к старому солдату, застыв по стойке «смирно» у края стола. — Докладываю: в результате зачистки города объект не обнаружен. Врач-мутант, предположительно, покинул зону ответственности или уничтожен.

Полковник сидел в кожаном кресле. Откуда оно здесь — никто не спрашивал. Может, из директорской на третьем этаже, может, из магазина мягкой мебели, который когда-то принимал посетителей на первом. Кожа облупилась, левый подлокотник был перемотан синей изолентой, из правого, будто ребра, торчали пружины. Но полковник не вставал из него уже третьи сутки. Спал в нём, ел в нём, принимал доклады — и кресло стало продолжением его уставшего тела, его личного бункера среди этого казённого хаоса.

— Как не обнаружили? — полковник поднял голову. Глаза покраснели, веки набрякли — он не спал не потому, что

не хотел, а потому что боялся закрыть глаза и пропустить что-то важное. Или просто увидеть то, что там, за веками.

— Смею заявить: ушёл, товарищ полковник. Либо мёртв. Следы обрываются у южного выезда, дальше — ни тепла, ни движения, ни голоса на частоте.

— Твою мать, — выдохнул полковник и медленно, будто через силу, провёл ладонью по лицу. Жёсткой, шершавой, с въевшейся в поры копотью. Пальцы пахли машинным маслом и дешёвым табаком — запах, который уже не вытравить ни мылом, ни временем. — Куда ты ушёл, Петя? Зачем?

Он говорил себе. Но слышали все. Даже генератор за стеной, казалось, сбился с ритма на полтакта — и снова загудел ровно, равнодушно, как сама жизнь после конца.

Комната сжалась. Воздух стал вязким, как расплавленный пластик. Где-то внизу, в бывшем торговом зале, переговаривались солдаты — голоса глухие, без интонаций, будто они давно разучились произносить что-то кроме приказов и позывных.

— Ждём указаний, — повторил высокий, чуть качнувшись с пятки на носок.

— Пока свободны, — полковник отвернулся к стене, где висела карта с наскоро нанесёнными красными кругами. Один из них — тот самый южный выезд — был обведён жирнее остальных, будто его чертили с яростью.

— Есть! — рявкнул высокий, щёлкнул каблуками так, что эхо хлестнуло по бетону, и вышел, плотно притворив за со-

бой дверь.

А полковник всё смотрел на карту. И молчал. Дверь за ним закрылась не сразу — доводчик сдох ещё в первый месяц. Петля скрипнула, створка натужно, с всхлипом, встала на место. И повисла тишина. Не та, что бывает в живых домах, когда все разошлись по комнатам. А та, густая, осязаемая, какая бывает только в зданиях, где голос человека — единственное, что сопротивляется пустоте.

Полковник остался один. Он взял остывшую кружку. Поставил обратно — с глухим стуком, от которого по столу пробежала мелкая дрожь. Посмотрел на карту города, исчёрканную красными метками. Красным помечали то, что не подлежало спасению. Зоны заражения. Очаги скопления. Места, где разведка теряла людей. Город был красным почти весь — пятно за пятном, улица за улицей, квартал за кварталом. Ржавое пятно на теле земли, которое расползалось с каждым днём, с каждым дыханием генератора за стеной. Только их ТЦ. Пара гектаров за забором из колючей проволоки. И тоненькая, почти призрачная ниточка дороги до посёлка Фатеево — пока ещё белая. Но ненадолго. Он знал это. Чувствовал каждой клеткой, каждой прожилкой на выцветшей карте. Белое — это не безопасность. Это просто отсрочка.

Полковник потянулся к столу. К фотографии. Она стояла в самодельной рамке — две деревянные плашки, склеенные на скорую руку, без гвоздей, без мастерства. Топорная работа. Солдатская. На фото — женщина. Светлые волосы,

лёгкая улыбка, как будто она знала что-то хорошее про будущее. Две девочки. Лет пяти и десяти. В одинаковых платьицах, с бантами, чуть растрёпанными от беготни. Улыбались. На заднем плане — качели, лето, зелень. Другой мир. Тот, где не было генераторов, красных меток и врачей, которые исчезают на южном выезде.

Их больше не было. Эвакуационный пункт на стадионе «Юность». Та самая зона, куда свозили людей в первые дни. Полковник тогда был в МВД — начальник главного отдела по Нижнему Тагилу. Не по званию, по должности. Он организовывал эвакуацию. Сажал людей в автобусы. Отправлял их туда — в безопасность, как тогда казалось. Кричал в мегафон, успокаивал, обещал, что всё будет хорошо. И верил в это. А потом всё сломалось. Прорвали заражённые. Или не заражённые — уже неважно. Важно то, что никто не вышел. Ни один человек. Только тишина над стадионом и ветер, который гулял по пустым трибунам.

Жена. Две дочери. Внутренний двор стадиона, где они должны были ждать его приказа. Ждать — и не дождаться. Он не поехал с ними. Остался в городе — координировать, управлять, быть нужным. Думал, что успеет. Что система сработает. Что у него есть время. Система не сработала. Времени не было. Теперь он сидел в кожаном кресле, смотрел на карту красного города и искал одного человека. Петра Сергеевича. Врача. Хирурга. Единственного, кто, по слухам, не просто выжил в заражении — а остался собой. Разведка

докладывала: он мутировал, но разум сохранён. Ходит среди них, изучает их, знает их повадки. Ищет слабые места. Или, может, ищет способ их остановить. Полковник в это верил. Должен был верить. Потому что если никто не ищет — то всё бессмысленно. И смерти жены и дочери — просто статистика. Ещё одна красная метка на карте. Ещё одна цифра в списке потерь, который лежал в нижнем ящике стола и который он никогда не перечитывал. Он перевёл взгляд с фотографии на карту. На южный выезд. На белую ниточку, уходящую в сторону Фатеево.

— Где ты, Петя? — спросил он в пустоту. — Зачем ушёл?

Голос осел в пыльном воздухе, не найдя стен, чтобы отразиться. Генератор за стеной продолжал своё бесконечное дело — натужно, ровно, безжалостно.

По его разведке, в городе уже собрали всех выживших. Триста человек в ТЦ — больше никого. Ни одной живой души за периметром. Пустота. Он не знал про Фатеево. Не знал про крепость за высоким забором, про деда на крыше с биноклем, про Арсения с его отрядом, про тихую жизнь среди руин. Не знал, что врач уже не один — что он живёт в доме напротив, каждый день ходит на закате к «Ленте» и возвращается. Что его жена теперь бродит где-то рядом и сторожит этот странный, невозможный анклав живых. Не знал, потому что никто из разведки не вернулся. Двое пропали без вести. Ещё двое вернулись с пустыми глазами и молчаливыми ртами — не заражённые, но сломленные. Говорили только:

«Там кто-то есть. Живой. Но не наш». И больше ни слова. Ни описаний, ни координат, ни имён. Только этот шепот, от которого у полковника холодели пальцы. Он приказал забыть. Слишком много потерь. Слишком мало ресурсов. Слишком тонкая нить между тем, что можно знать, и тем, что нельзя вынести. Теперь — новый приказ. Найти врача. Любой ценой. Потому что правда, которую он хотел добиться для своей семьи, куда-то убежала. Спряталась. Или ушла в посёлок, где, по докладам, никого не должно было остаться. Ирония судьбы: он искал спасение там, где приказал забыть.

Полковник провёл ладонью по лицу. Пальцы пахли машинным маслом и табаком — единственный запах, который не напоминал ему о доме. Он не курил при жене. Бросил, когда родилась первая. Потом — начал снова. После стадиона.

— Жив, — сказал он себе. — Ты жив, Петя. Я знаю.

Он взял кружку. Отхлебнул холодный чай, давно потерявший вкус, превратившийся в горьковатую жидкость комнатной температуры. Не поморщился. Не заметил. За окном, за фанерными щитами, светило летнее солнце. Мёртвый город лежал в его лучах, нагревался, трескался, рассыпался на мелкие осколки асфальта и стекла. Где-то там, в этой пыли и тишине, жил человек, который, возможно, мог всё изменить. Или уже не мог. Но проверить это мог только тот, кому нечего было терять.

Полковник посмотрел на фотографию. На женщину. На девочек. На то лето, которое никогда не вернётся.

— Я найду его, — сказал он тихо. — Обещаю.

Никто не ответил. Только генератор за стеной выдохнул — как живой, как тот, кто тоже устал ждать.

***

Высокий парень вышел из отдела с электроникой и зашагал в сторону бывшего фуд-корта. Когда-то здесь пахло жареным маслом, попкорном и дешёвым кофе из автоматов. Теперь — дымом от самодельных печек, паром от кипятильников и кислым запахом мокрого тряпья, развешенного на верёвках между бывших стоек.

В этом торговом центре жило около трёхсот человек. Те самые счастливчики, которые успели не заразиться и спастись. Кто-то пришёл сюда в первых числах, когда город ещё гудел сиренами и паникой. Кто-то — уже после, когда сирены смолкли и наступила та странная тишина, которая хуже любого шума. Все они теперь делили один воздух. Не спёртый, как в штабе, а тяжёлый — от сотен тел, от мокрой одежды на верёвках, от дешёвого мыла и кипятка. Пахло жизнью. Тесной, уставшей, но жизнью.

Он подошёл к окну выдачи питания. В их торговом центре всё было налажено. За самим ТЦ, организовали поле с овощами. Вскопали землю, засыпали удобрениями из того, что нашли в хозяйственных магазинах. Там же — загоны для животных. Коровы, куры, пара свиней. Кто-то умел с этим об-

ращаться — бывший фермер из пригорода, плотный мужик с руками-лопатами. Кто-то учился на ходу, глядя на него.

Кормили тут хорошо. Но скромно. Каждому жителю — один кусок мяса в день. Пол огурца. Пол помидора. Столько же морковки. И одна целая картошка. Некоторым давали кашу. Ты мог забрать всё это сразу — и на завтрак, и на обед, и на ужин. А мог растягивать на весь день, разгрызая по кусочку, чтобы обмануть желудок. Большинство растягивали.

Прохор взял свою порцию. Не глядя. Пластиковый контейнер, одноразовая ложка — всё по-военному, быстро, без очереди. Для своих — отдельное окно, за которым стоял сухой, вечно недовольный повар в засаленном фартуке. Кивнул и Прохор кивнул в ответ. Без слов. Он отошёл к стене, прислонился спиной к холодной плитке. Откусил огурец. Жёсткий, горьковатый. Поливали мало — воду экономили, каждая капля была на счету. Хруст разнёсся по пустому залу, но никто не обернулся. Мысли вернулись в штаб. «Ушёл, товарищ полковник. Или погиб». Он не верил в «погиб». Видел этого врача один раз. Мельком. Ещё в первую свою смену, когда город рухнул. Мужик в белом халате стоял на крыше какого-то гаража и смотрел в сторону торгового центра. Не прятался. Не бежал. Просто смотрел — спокойно, внимательно, будто ждал кого-то. Прохор тогда подумал: «Псих». Теперь думал иначе. Теперь он знал, что психом быть нельзя — если ты вышел из того ада, где всё рухнуло, и сохранил глаза, которые смотрят, а не бегают.

Он доел огурец, сунул контейнер в карман. Завтрак — на потом. Развернулся и пошёл обратно. К штабу. К картам. К приказам. Делать нечего. Пока шёл, встретил Веронику. Маленькая. Голубоглазая. Когда-то — лучшая в их возрасте на слаломе, катилась с горы как птица, мальчишки заглядывались. Сейчас — в грязном фартуке, с ведром мешанки в руках. Пальцы в цыпках, под ногтями — земля и засохшая кровь от разделки туш. Пахнет от неё хлевом, дешёвым мылом и потом — тем липким, несвежим запахом, который въедается в кожу, когда моешься раз в три дня холодной водой, из ведра, без мыла, потому что мыло экономили для ран.

Она обняла его. На секунду прижалась щекой к груди — и в этом движении было столько привычной, въевшейся в кости усталости, что Прохор на мгновение замер.

— Привет, Прош. Есть новости про наших?

Каждый божий день — одно и то же. И каждый день — один ответ. Прохор чувствовал, как её пальцы вцепились в его куртку. Слишком сильно. Как будто он мог упасть, если она разожмёт руки. Он знал, кого она ищет на самом деле. Не «наших». Не троицу. Одного. Арсения.

— Нет, Ник. Никаких новостей. Надо смириться, — голос ровный. Сухой.

Она не отпускала. Её дыхание — тёплое, прерывистое — упиралось ему в ключицу.

— Мы всё проверили, — продолжил он. — По десять раз.

Квартиру Петровича — пусто. Квартиру Никитоса — пусто. Даже к Саньку ездили. Там сейчас — он запнулся, подбирая слово, — там сейчас никого. И следов тоже.

— Они живы, — сказала она в его куртку. — Он жив.

Слеза потекла по её щеке. Прохор не видел — но почувствовал. По тому, как её пальцы дрогнули. Как по телу прошла мелкая, едва заметная дрожь.

— Вы проверяли дом его деда? На Фатеево?

Вопрос повис в воздухе. Липкий, как этот запах хлева и мыла.

— Нет, — ответил он. — Не проверяли.

— Почему?

— Запретная зона, Ник. Там слишком много заражённых. Разведка докладывала — плотность высокая. Мы бы просто... — он не договорил.

— А если они там? — она отстранилась, заглянула ему в лицо. Глаза — красные, распухшие. Под ними — тёмные круги. Она не спала. Давно. — Если они просто не могут выйти? Если сидят в осаде? Ждут помощи?

— Вероника.

Он сказал это твёрдо. Почти жёстко. Она вздрогнула. От его тона. От того, что он назвал её по имени — не «Ник», а полностью. Как отрезал.

— Они погибли. Или стали заражёнными. Пожалуйста, хватит.

— Я не могу, — её голос сорвался. Тонкий, детский, ка-

кой-то чужой. — Я каждый день о нём думаю.

— А он о тебе нет, — сказал Прохор.

Слова вылетели сами. Он не успел их поймать. Увидел, как её лицо побелело. Как зрачки расширились — сначала от непонимания, потом от удара.

— Он мёртв, — добавил он тише. — Хватит.

Развернулся и пошёл. Шаг. Второй. За спиной — тишина. Он не обернулся. Не мог. Потому что знал: она стоит. Смотрит вслед. Сжимает край фартука побелевшими пальцами. И скоро — через минуту, через две — она снова возьмёт ведро, пойдёт к свиньям, будет мешать эту чёртову мешанку. Потому что другого выхода нет.

***

Прохор вошёл в штаб. Запах озона, пыли и старого табака ударил в нос — привычный, въевшийся, почти родной.

— Дверь закрой! — рявкнул полковник из кресла, не поднимая головы.

Прохор закрыл за собой дверь и встал около стены. Прислонился спиной к холодной фанере. Сердце всё ещё колотилось после разговора с Вероникой — глухо, тяжело, где-то у самого горла, будто пыталось вырваться наружу.

— Собирай группу. Едете в посёлок.

— Товарищ полковник...

— Никаких «но»! — полковник вскинул голову. Глаза —

красные, воспалённые, с жёлтыми белками. Не спал. Опять не спал. — Берёшь группу из двух человек и едете по адресу Петра Сергеевича. Он жил там. В одном из домов.

Воздух в комнате стал густым, вязким. Пахло железом, старым потом и страхом — тем липким, кисловатым запахом, который появляется, когда люди давно живут на нервах, когда каждый шорох за стеной заставляет вздрагивать.

— Но там же заражённые, — сказал Прохор, и внутри всё сжалось в тугой, холодный ком. — Там их целая куча. Вы же знаете — мы на той неделе там двух разведчиков потеряли.

Он не договорил. Полковник перебил, не дав закончить.

— Евстратов! — рявкнул так, что Прохор невольно выпрямился, будто его дёрнули за нитку. — Ты хочешь ослушаться приказа старшего по званию?

Тишина повисла в комнате. Генератор за стеной загудел громче — или просто показалось. Или это кровь шумела в ушах.

— Никак нет, товарищ полковник, — ответил Прохор. Чётко. По уставу. Но кулаки сжались сами собой — костяшки побелели, ногти впились в ладони.

— Бери двух бойцов. И с песней. Машину возьмёшь у капитана Сергеева. — Полковник отвернулся к карте. Спина напряжённая, плечи — как каменные, будто он нёс на них весь этот мёртвый город. — Свободен.

— Есть, — Прохор щёлкнул каблуками, развернулся и вышел.

Дверь за ним закрылась не сразу — доводчик снова дал о себе знать. В щели мелькнуло лицо полковника. Усталое. Старое. С глубокими морщинами, которые появились за последние месяцы — и, кажется, за одну ночь.

Прохор отошёл на несколько шагов, остановился у стены. Прислонился затылком к холодному бетону. Закрыл глаза. Пётр Сергеевич. Тот самый мутировавший врач. Тот, кого они искали уже не известно сколько. Тот, ради кого полковник готов был слать людей в самое пекло. Прохор вспомнил его лицо. Изуродованное шрамами. Слепые, глубокие глаза, которые, казалось, смотрели сквозь тебя — не на тебя. И этот белый халат — грязный, в засохшей крови, но всё ещё белый. Он видел его один раз. Мельком. На крыше того самого гаража в кооперативе «Дружба». Врач стоял неподвижно, как памятник, и смотрел в сторону ТЦ. Потом исчез — и все следы обрубились. Теперь приказ — ехать в посёлок. В дом, где этот врач когда-то жил нормальной жизнью. Где, возможно, его всё ещё ждали.

— Евстратов!

Прохор вздрогнул. Из штаба вышел полковник. Стоял в дверях, щурился от света, который пробивался сквозь щели в фанерных щитах.

— Да, товарищ полковник.

— Живым вернись. — Голос тихий. Почти без команды. Почти человеческий. — Ты мне нужен.

Прохор кивнул. Не нашёл слов. Полковник скрылся внут-

ри. Дверь наконец захлопнулась — глухо, окончательно, будто отрезала его от привычного мира. Прохор остался один в коридоре. Вокруг пахло пылью, бетоном и далёким запахом кухни — варёной картошкой, тушёным мясом. Откуда-то доносились голоса. Кто-то смеялся — коротко, надорванно, будто разучился. Жизнь шла своим чередом. Здесь, внутри ТЦ, она всё ещё была. Он выдохнул. Разжал кулаки — пальцы затекли, в ладонях остались глубокие следы от ногтей. Два бойца. Машина. Посёлок. Дом Петра Сергеевича. «А если он там? — подумал Прохор. — Если не ушёл и не погиб? Если сидит в своём доме и ждёт?». Вопрос повис в воздухе. Без ответа.

***

Перед тем как идти в гараж, Прохор зашёл в казарму. Казарма разместилась в магазине постельного белья и мебели для спальни. Когда-то здесь пахло лавандой, новым текстилем и деревом от полированных гарнитуров. Теперь — потом, машинным маслом, дешёвым табаком и хлоркой. Кровати — образцы с витрины — стояли в три ряда. Некоторые с фабричными матрасами в плёнке, другие — просто голые сетки, застеленные старыми одеялами. Здесь сидело человек пятнадцать. Все в военной камуфляжной форме. У всех — звёзды на погонах. Хоть и конец света, но звания никто не отменял. Сержанты. Лейтенанты. Капитаны. Все со звёздами.

Было и пара рядовых. Молодые. Лет по восемнадцать-двадцать. Сидели в стороне, не поднимали глаз. Обычно, как бы это грубо ни звучало — мясо для заражённых. Их отправляли в самое пекло. В смертельные районы, где улыбающиеся твари раздирали их на куски. Прохор был таким же. Его тоже отправляли в такие походы. Но он всегда возвращался. И дослужился до капитана. Его уважали.

— Капитан, — поднялся один из лейтенантов. Молодой. Свежее лицо, ещё без шрамов. Глаза — настороженные, как у зверька перед ударом. — Слышал, вы в посёлок едете. С нами?

— Нет, — ответил Прохор. — Только два человека. И я.

По комнате прошёлся тихий, тяжёлый вздох. Облегчение. Кто-то опустил плечи, кто-то отвернулся к стене. Прохор видел это каждый раз. Они боялись. Имели право. Он обвёл взглядом казарму. У стены — стопка ящиков с патронами. Рядом — несколько автоматов, прислонённых к витрине с подушками. Над входом — портрет какого-то генерала. Старого мира. Пыльный, в треснувшей рамке. Смотрел на всех равнодушно, как будто знал, что его время прошло.

— Кто со мной? — спросил Прохор.

Тишина. Несколько секунд — как вечность. Потом из дальнего угла поднялись двое. Один — высокий, коренастый. Сержант Петренко. Лицо в мелких шрамах — осколочные, давние. Второй — молодой, тощий. Рядовой Белов. Ему, наверное, лет девятнадцать. Руки тряслись, когда он

поправлял ремень.

— Мы, товарищ капитан, — сказал Петренко. Спокойно. Без пафоса.

Прохор кивнул.

— Через десять минут у машины.

Он развернулся и вышел. В коридоре — тишина. Только где-то далеко капала вода — монотонно, как метроном. Пахло сыростью и ржавчиной. Прохор остановился. Прислонился лбом к холодной стене. Петренко — старый волк. Выжил в трёх вылазках, когда остальные не возвращались. Белов — новенький. Второй выход. Первый раз ему прострелили руку свои же, спутали с заражённым — касательное, повезло.

Прохор не имел права тащить их туда, где погибли двое разведчиков. Но приказ есть приказ. Он выпрямился и пошёл в гараж. К машине. К посёлку. К дому Петра Сергеевича — или к тому, что от него осталось.

***

Прохор спустился в гараж на цокольный этаж. Раньше здесь был подземный паркинг. Теперь — стены выкрашены серой краской, вдоль них — стеллажи с канистрами, ящиками патронов, запчастями. Лампочки на проводах — тусклые, жёлтые. Света хватало ровно на то, чтобы не споткнуться и не задеть головой трубу. Пахло бензином, соляркой, старым железом и ещё чем-то сладковатым — то ли антифриз, то

ли чья-то забытая жвачка. В углу — УАЗы. Раньше три, теперь два. Третий они благополучно потеряли. Когда отправили молодняк на вылазку. Никто не вернулся. И УАЗ потеряли. Прохор не любил вспоминать ту историю. Восемь человек. Двадцать лет в сумме на всех. Оставили только пятна крови на асфальте и номер машины, который до сих пор висел в списке техники, хотя списали её полгода назад.

Капитан Сергеев сидел за своим столом и листал какую-то книгу. Стол был самодельный — сбитый из поддонов, накрытый клеёнкой. На нём — жестяная кружка, старая рация, стопка бумаг, прижатая гайкой. И пепельница из консервной банки — полная окурков. Сергеев не курил. Окурки собирал для кого-то. Может, для себя — на чёрный день. Мало ли что. Прохор остановился в двух шагах.

— Товарищ капитан.

— Чего надо? — Сергеев не поднял голову. Листал дальше.

Книга была старая. Потрёпанная. В твёрдом переплёте. Прохор не разглядел название — только обгоревший корешок и жёлтые, как осенние листья, страницы. У этого капитана была интересная история. В одной из вылазок он попал под нападение улыбающихся тварей. И чтобы спастись, пришлось прыгать с третьего этажа. Прохор слышал эту историю от стариков и молодых. Сергеев тогда потерял две ноги. Множество переломов. И в итоге местный хирург — тётя Галя — их ему ампутировала. Как он дополз до ТЦ — ни-

кто так и не узнал. Его нашли около дверей. Без сознания. С ним не было бригады молодняка — она вся осталась в том доме. Тётя Галя тогда часы боролась за его жизнь. Истратила все антибиотики и обезболы. Но всё-таки операция прошла успешно. Теперь капитан Сергеев — без двух ног. Но живой. Инвалид в мире, где инвалидов не жалеют. Где их оставляют умирать. Где они сами себя оставляют — потому что не видят смысла. Но Сергеев выжил. Сидел за своим столом. Листал книги. Командовал гаражом.

— Машину давай, — сказал Прохор. — Полковник приказал. В посёлок ехать. За врачом.

Сергеев наконец поднял голову. Лицо — бледное, с синими прожилками под глазами. Борода — седая, небритая. Под носом — усы. Но глаза — живые. Цепкие. Смотрели так, будто видели насквозь.

— Какую?

— Любую. Которая заведётся.

— Обе заведутся. — Сергеев захлопнул книгу. Пыль взметнулась в жёлтом свете. — Слушай, капитан.

— Что?

— Съездите — вернитесь. Не геройствуйте. Мне эти машины ещё нужны. И некому их чинить будет.

Он махнул рукой в сторону УАЗиков.

— Бери левый. У него движок потише. И резина свежая — нашли на складе в прошлом месяце.

Прохор кивнул.

— Бензин?

— Полный бак. И канистра в багажнике. Спасибо не надо. Просто вернись.

Сергеев снова открыл книгу. Уткнулся в страницы. Разговор был окончен. Прохор подошёл к левому УАЗику. Проверил двери — закрыты. Заглянул в салон — на сиденьях пыль, пустые гильзы, чей-то забытый берет. Запах внутри — резины, бензина и старой крови. Крови было немного — на обшивке заднего сиденья. Чьей — неизвестно. Он сел за руль. Ключи торчали в замке зажигания — всегда. Повернул. Двигатель схватил с пол-оборота — рыкнул, чихнул и заработал ровно. Сергеев не врал. Прохор заглушил мотор. Вылез.

— Петренко и Белов сейчас подойдут, — сказал он в пустоту.

Сергеев не ответил. Только перевернул страницу.

***

Прохор ждал около машины. Двое уже опаздывали на две минуты. «Струсили что ли?» — подумал он, но сразу отогнал эту мысль. Струсить имел право каждый. Особенно те, кто видел, как умирают другие. Он сам струсил в первый раз. И во второй. И в десятый. Просто страх перестал мешать — вот и вся разница. Он пошёл к столу Сергеева.

— Капитан, сигареты не будет?

— Будет, сейчас.

Сергеев достал портсигар из кармана. Старый, жестяной, с выцветшим гербом — ещё советский, наверное. Щёлкнул крышкой. Нормальные сигареты давно кончились. Теперь это был самодел. Махорку выращивали на том же огороде, где сажали помидоры с огурцами. Сушили, крошили, перемешивали с чем-то — то ли с чагой, то ли с сушёными листьями. Выходило горько, дымно и быстро вышибало слёзы, если затянуться слишком глубоко. Заворачивали в старые газеты. О фильтрах все уже забыли. О вкусе — тоже.

Прохор взял сигарету. Скручена туго, на конце — кривой, неровный срез. Пахло от неё кислой горечью и типографской краской — газеты были старые, ещё из прошлой жизни. Он закурил прямо в гараже. Поморщился. Но выдержал. Такие сигареты быстро давали в голову. И быстро помогали забыть о мире. На минуту. На две. Пока дым не выветривался из лёгких. Сергеев смотрел на него из-за стола. Не осуждающе. Понимающе.

— Вас нахрена послали в этот посёлок? — спросил он. — Врача уже хер знает сколько найти не могут?

— Да чёрт его знает, — ответил Прохор и затянулся. Дым был едким, драл горло. Он выпустил его медленно, наблюдая, как серые клубы тают в жёлтом свете лампочки. — Нахрена он нам вообще нужен? Этот недочеловек. Недозаражённый. Толку от него?

Сергеев усмехнулся.

— Молодая ты болда.

Прохор поднял бровь, но промолчал.

— Это же радар, — сказал Сергеев, откидываясь на спинку стула. Стул скрипнул — едва не развалился. — Навигатор. Он всё знает. Где эти твари живут, как передвигаются, когда спят. И ты ни разу не задумался, почему он не перевоплотился? Почему остался человеком? Ну, почти.

— Нет, — честно ответил Прохор. — Не задумывался.

— Вот и подумай. — Сергеев взял со стола кружку, отхлебнул. Чай давно остыл, но он пил — не морщился. — Может, он вакцину может сделать? Он же сам врач. В прошлой жизни — хирург. Детский. Лучший в городе.

Прохор задумался. Дым догорел, обжёг пальцы. Он бросил окурок на бетонный пол, придавил ботинком. В голове — слова Сергеева. «Радар». «Навигатор». Пётр Сергеевич. Мутант с сохранённым разумом. Человек, который живёт среди них — но не с ними.

— Ты думай, думай, — сказал Сергеев, возвращаясь к своей книге. — Пока голова на плечах есть. А не только руки-ноги.

Прохор хотел ответить — не успел. Послышались шаги. Тяжёлые. Размеренные. Двое. Петренко и Белов. Петренко шёл первым — уверенно, не торопясь. Лицо спокойное, руки в карманах. Белов — за ним, на полшага отставал. Бледный. Глаза бегали.

— Товарищ капитан, — Петренко козырнул. — Разрешите обратиться?

— Обращайся.

— Группа в сборе.

— Вижу.

Прохор окинул их взглядом. Петренко — в полной выкладке. Автомат на груди, подсумки с патронами, нож на поясе. На бронежилете — старые потёки, не то от крови, не то от грязи. Белов — то же самое. Но автомат висит как-то криво. И пальцы — на цевье, а не на рукояти. Боится. Это нормально. Тот, кто не боится, умирает первым.

— Проверили снаряжение? — спросил Прохор.

— Так точно, — ответил Петренко. — Патронов — два полных магазина. Вода. Сухой паёк на сутки.

— У меня тоже, — тихо сказал Белов.

Прохор кивнул.

— Загружайтесь.

Он повернулся к Сергееву. Тот снова читал — не поднимал головы.

— Спасибо за сигарету, товарищ капитан.

— Возвращайся — ещё дам, — буркнул Сергеев, не отрываясь от книги. — Не вернёшься — сам выкурю.

Прохор усмехнулся. Сухо. Без радости. Подошёл к УАЗу. Сел за руль. Двигатель завёлся с пол-оборота — ровно, надёжно, как будто ждал. Петренко и Белов забрались в салон. Хлопнули дверьми. Железо звякнуло глухо. Прохор включил фары. Жёлтые лучи упёрлись в бетонную стену гаража, выхватили трещины, старые масляные пятна, ржавые трубы.

Он выжал сцепление. Воткнул первую.

— Поехали.

УАЗ дёрнулся и покатил к выезду. Сзади — в зеркале заднего вида — мелькнула фигура Сергеева. Сидел за столом, листал книгу. Не смотрел вслед.

***

УАЗ поднялся по пандусу и выехал на территорию ТЦ — в их мир, отгороженный от большого мира ржавой сеткой и тоннами щебня. Вся территория была ограждена габионами насыпного типа. Огромные, прочные контейнеры из металлической сетки, заполненные щебнем, песком и землёй. В мирной жизни такие ставят для укрепления берегов или защиты от наводнений. В новой жизни они стали стеной. За этой стеной было почти спокойно. За ней — ад. Прохор знал это лучше других. Он выходил за ворота четырнадцать раз. Возвращался — двенадцать. Дважды его выносили на руках, и оба раза он не помнил, как оказался в лазарете. Только запах йода, холодный пот на лбу и голос тёти Гали: «Живой, зараза. Отлеживайся».

Вышки стояли через каждые десять метров — сваренные из труб и арматуры, кое-где укреплённые деревянными подпорками. На каждой — по два человека. С автоматами. С биноклями. Смотрят, слушают, не спят. Прохор знал почти каждого в лицо. Многие из них были теми, кого он когда-то

вытаскивал из-за периметра. Или тех, кто вытаскивал его. Они кивали ему сейчас — коротко, без улыбок. Улыбаться здесь разучились. Улыбка была роскошью, которую никто не мог себе позволить.

Территория, которую они успели огородить, была приличной — около трёх гектаров. Плюс-минус. Точно никто не мерил — рулетки не нашлось, да и времени. В эти три гектара входил сам торговый центр — огромная бетонная коробка с заколоченными витринами и вечно гудящим генератором в подвале. Поле за ним — с картошкой, морковкой, помидорами, — которое поливали из бочек, наполненных дождевой водой. Хватало. Но тесно. Триста человек на три гектара — это как сельди в бочке. Каждый чих слышен, каждая ссора — на весь лагерь. Прохор знал, кто с кем спит, кто с кем ругается, у кого кончились таблетки от давления, а у кого — терпение. Но другого выхода не было. Город был мёртв. А они — нет. Пока нет.

Прохор остановился перед воротами. Те самые ворота, которые отделяли ТЦ от мёртвого города. Тяжёлые, сваренные из листового железа и труб, с петлями, которые скрипели так, что звук разносился на сотню метров. За ними — тишина. Злая, настороженная. Он вышел из машины и сразу почувствовал, как воздух за воротами отличается от воздуха внутри. Там, за габионами, он был другим — сухим, пыльным, с привкусом горелого пластика и давно протухшей воды. Здесь, внутри, ещё пахло жизнью. Там — только смер-

тью.

— Минуту ждите, — сказал он напарникам. Голос прозвучал глухо — горло всё ещё саднило от той самодельной сигареты, которой угостил Сергеев.

— Есть, — ответили двое. Петренко — спокойно, как всегда. Белов — с запинкой, будто слово застряло в горле.

Он вышел не просто так. Оружие было только у его напарников. Сам он был ещё «голый» — так в ТЦ называли тех, кто выходил за ворота без своего основного ствола. Голый — значит уязвимый. Голый — значит живой, но не до конца. Все в ТЦ знали, где он хранит свой фирменный автомат. StG 44. Немецкий. Разработан ещё во времена Второй мировой — в сороковых годах прошлого века. Редкий. Старый. Но надёжный — как танк. У этого автомата была кличка — «Зубастик», и никто не знал, почему он так назвал его. Может, за характер. Может, за то, как он вгрызался в плоть заражённых, когда патроны в магазине заканчивались, а враги — нет.

Прохор зашёл в свою «келью» — бывший пост охраны у ворот, маленькую бетонную коробку с одним зарешеченным окном. Ключ — всегда при нём, на цепочке вместе с жетоном и старым комсомольским значком отца. Значок он не снимал. Даже в душе. Это была единственная память о том, кто научил его стрелять, чинить машины и не бояться темноты. Отец не дожил до конца. Умер за месяц до того, как всё началось. Инфаркт. Прохор иногда думал, что это было к

лучшему. Старик не увидел бы этого мира. Не выдержал бы.

Отпер. Зашёл. Там, в углу, за железной сеткой, которую он сам сварил из арматуры, висел он. StG 44. Чёрный. Масленый. Холодный. Прохор снял его со стены. Проверил затвор — привычно, на автомате. Щелчок — ровный, уверенный, как рукопожатие старого друга. Два магазина. Снаряжённых. Полных. Патроны берегли — в ТЦ каждый патрон был на вес золота, — но для «Зубастика» берегли отдельно. Специально под него. Ствол калибра 7,92 мм — не самый распространённый в новых условиях. Но Прохор находил. Выбивал. Менял на продукты, на сигареты, на лекарства. Иногда — на обещания, которые потом выполнял. Люди знали: если Прохор пообещал — он сделает. Иначе его не уважали бы. А его уважали. И боялись.

Пистолет Макарова лежал в тайнике — в щели между кирпичами, прикрытой куском фанеры. Он достал его. Проверил обойму — щёлкнул, выщелкнул, посчитал на глаз. Восемь. Полная. Сунул ПМ в кобуру на поясе. Автомат — на ремень, через плечо. Взвесил. Хорошо. В самый раз. Привычная тяжесть на плече — единственное, что напоминало ему: он всё ещё может защитить себя. И других. Если надо. Прохор вышел из кельи. Запер дверь. Ключ — обратно на цепочку.

— Выдвигаемся, — бросил он, подходя к УАЗу. Голос прозвучал твёрже, чем минуту назад. Оружие делало его увереннее. Или делало вид, что уверенность есть.

Он сел за руль. Кивнул часовому на воротах. Тот — молодой парнишка, Димон, кажется, — поднял руку в ответ и крикнул что-то в рацию. Тяжёлые створки медленно, со скрипом, поползли в стороны. За воротами открывался город. Мёртвый. Пустой. Ждущий.

УАЗ вырулил на разбитый асфальт. Колёса зашуршали по мелкому гравию, высыпавшемуся из трещин. Прохор включил вторую, потом третью. В зеркале заднего вида — вышки, часовые, габионы. Их крепость. Их островок. Всё, что осталось от нормальной жизни. А впереди — ничто. Дымка, пыль, разбитые витрины, ржавые вывески магазинов. И тишина. Злая, настороженная, которая никогда не бывает настоящей — потому что в любой момент она может взорваться воем, криком, стрельбой.

— К дому Петра Сергеевича, — сказал Прохор, ни к кому не обращаясь. Сказал — и сам не понял, зачем это сделал. Может, чтобы не молчать. Может, чтобы убедить себя, что они знают, куда едут.

Машина нырнула в серый тоннель улицы, зажатой с двух сторон заброшенными пятиэтажками. Стекла домов — выбиты. Стены — в копоти, в тёмных разводах, похожих на следы огня или времени. Где-то на втором этаже колыхался занавес — белый, почти новый, будто его повесили вчера. Прохор заметил это краем глаза. Занавес на фоне мёртвого города смотрелся жутко. Слишком живым. Слишком обычным. Как будто там, внутри, кто-то всё ещё жил. Но он знал — нет.

Там никого нет. Уже давно. Сзади — за спиной — хлопнула дверь. Но это не УАЗ. Это ворота закрылись. Отрезали путь назад. Отрезали надежду на быстрое возвращение. Машина покатила дальше, вглубь серых улиц. В тишину. В неизвестность.

Глава 2

Будильник ворвался в тишину чужим, резким звоном — металлическим, настырным, как сверло, вгрызающееся в ухо. Санёк выключил его на втором писке. Не вставая. Просто протянул руку, нащупал холодный пластик корпуса, придавил кнопку — раз, и всё. Звук оборвался, но эхо ещё секунду дрожало в воздухе, растворяясь в утреннем полумраке. Тишина вернулась, но уже не та, что была раньше. Она стала другой — натянутой, как струна перед тем, как лопнуть.

Он лежал ещё несколько секунд, глядя в побелевший от времени потолок. Старые трещины, похожие на карту рек, тянулись от угла к углу. Он знал каждую из них — знакомую, как линии на своей ладони. Потом рывком сбросил с себя одеяло и упал на пол. Пятнадцать отжиманий. С хрустом, со злостью, как будто бетон был в чём-то виноват. Ладони привычно упирались в холодную плитку, локти сгибались под прямым углом, дыхание вырывалось с присвистом. Мышцы ещё помнили ту жизнь — беговые кроссы по утрам, турник в школьном дворе, вечерние тренировки до седьмого пота. Сейчас от той жизни остались только мышцы и привычка. Всё остальное сгорело вместе с городом. Он считал про себя — не чтобы не сбиться, а чтобы не думать. Пятнадцать. Последнее усилие, последний выдох, и он замер на секунду,

уткнувшись лбом в пол. Холодный. Твёрдый. Настоящий.

Все остальные ещё лежали. Никитос на своей раскладушке тихо продолжал храпеть. Мерно, расслабленно, как человек, которому сны снятся только хорошие. Его лицо во сне казалось почти безмятежным — без той вечной настороженности, которая появлялась, едва он открывал глаза. Во сне он был прежним — тем Никитосом, который умел смеяться до колик в животе, разводить руками, когда не находил слов, и всегда находил выход из любой ситуации. Санёк смотрел на него и не понимал, как можно спать так спокойно, зная, что там, за забором, круги нарезают улыбающиеся твари, а где-то совсем рядом, в доме напротив, живёт мутировавший врач. Но Никитос спал. И это было его суперсилой. Способностью отключаться от мира, когда мир становился слишком тяжёлым.

Арсений уткнулся носом в плечо Алисы и пытался доспать эти жалкие минуты — последние перед тем, как будильник разбудит не только Санька, но и всех остальных. Алиса не двигалась. Только рукой придержала его за талию — не пускала, мол, ещё рано. Её пальцы лежали на его боку спокойно и уверенно. Как будто у них не апокалипсис, а просто субботнее утро, и можно было поспать ещё час. Санёк отвернулся, чтобы не смотреть. Не потому, что это было неприятно. А потому что больно. Напоминало о том, чего у него не было и, наверное, уже не будет. О ком-то, кто мог бы придерживать его за талию по утрам.

Он встал, отряхнул руки и пошёл умываться. Холодная вода из ведра — колкая, как иголки. Она отрезвляла лучше любого кофе. Он плеснул на лицо, растёр глаза, провёл мокрыми пальцами по волосам. В зеркале на стене — старом, помутневшем, с трещиной по диагонали — отразился парень. Взрослый. Уставший. С глазами, которые видели слишком много. Губы сжаты в тонкую линию. Под глазами — синяки. Не от ударов — от бессонницы. Он не спал уже третью ночь. Точнее, спал, но просыпался каждый раз от любого шороха. А шорохов было много. Дом старой постройки. Мыши бегают за стеной. Ветер завывает в щелях. И кажется всегда — не одни ли мы в этом доме? Не пришли ли за нами?

Санёк посмотрел на свои руки. Пальцы — в мелких мозолях, на костяшках — старые шрамы. Результат падений с велосипеда в детстве. Или с крыши гаража. Или ударов о землю, когда он учился паркуру. Всё это было в прошлой жизни. Сейчас шрамы были другими — от осколков, от ножа, от случайных цепляний о ржавую арматуру. Он сжал кулаки, разжал. Посмотрел на спящих. На Никитоса. На Арсения с Алисой. И резко, сказал:

— Подъём! — гаркнул Санёк так, что голос отскочил от стен и заметался по комнате, вырывая остатки сна из каждого угла. Он принялся расталкивать боевой отряд — без церемоний, без жалости, как заправский сержант, которому надоело ждать.

— Изверг ты, — донеслось с ближайшей раскладушки.

Никитос даже глаз не открыл, но голос уже был — сонный, тягучий, как патока. И улыбка на лице. Вот чёрт. Улыбался он даже когда ругался. Зараза.

— И демон, — вторил Арсений, уткнувшись носом в подушку. Голос — глухой, придавленный. — И сатана в одном лице. Трижды проклятый.

— Встаём, встаём, — Санёк хлопнул в ладоши. Громко, резко, как выстрел. — У нас ещё зарядка по расписанию. А расписание — святое.

— Санёк, — Арсений приподнял голову ровно настолько, чтобы один глаз мог смотреть на обидчика, — а хоть раз можно без зарядки? Хоть раз? Ну, в честь конца света? Или начала? Не важно.

— Товарищ командир! — Санёк выпрямился, приосанился, втянул живот. Выглядело это комично до невозможности: спортивные штаны с пузырями на коленях, растянутая футболка с надписью «I LIKE NY» — кто и зачем притащил эту футболку в апокалипсис, никто уже не помнил, — но вид у него был почти торжественный, как у генерала перед парадом. — Ваши слова тут не имеют никакой силы. Дед, то есть Алексей Александрович, поставил меня главным по зарядке. И все командиры с их подразделениями попадают под мою команду. Так что подъём.

Он стоял с улыбкой до ушей. Довольный. Предвкушающий. Ему нравилось это утреннее представление — единственное время дня, когда можно было забыть про улыбаю-

щихся тварей за забором, про мёртвый город и просто быть дураком. Нормальным дураком, как в прошлой жизни.

— Санёк, — подал голос Никитос, не открывая глаз. Голос всё ещё был сонным, но в нём уже прорезалась хитринка, как у кота, который притворяется спящим, чтобы не идти на кухню. — Ты сейчас главный по зарядке или по раздаче люлей?

— По зарядке.

— Ну и заряжай тихо. Дай ещё две минуты.

— Нет.

— Зверь.

— Волк, — поправил Санёк, поправляя несуществующий воротник. — Одинокий волк. Гордый. Свободный.

— Волки стаями живут, — буркнул Арсений в подушку. — Ты одинокий шакал. Шакалы, кстати, тоже стаями. Но у них хотя бы чувство юмора есть.

В котельной повисла пауза. На секунду — всего на секунду — стало тихо так, что слышно было, как за стеной скребётся мышь. Потом Никитос фыркнул. Потом засмеялся Санёк — не удержался, сбил весь свой пафос, и смех его покатился по комнате, ломая тишину, как лёд весной. Они не смеялись так уже давно. Смех был редким гостем здесь.

— Ладно, шакал так шакал, — сказал Санёк, вытирая выступившие слёзы. — Но шакал, который сделает с вами пятнадцать бёрпи, если вы не встанете через десять секунд. Время пошло.

С дивана донеслось сдавленное: «Не зря вчера уставы учил». Это Арсений наконец-то поднялся. Потянулся, раскинув руки в стороны, как птица. Хрустнул шеей — позвонки щёлкнули, как сухие ветки под ногами. Встал, поправил майку, провёл ладонью по лицу, сгоняя остатки сна.

Алиса открыла один глаз. Второй остался зажмуренным — она явно пыталась сделать вид, что её здесь нет. На лице — выражение полного нежелания участвовать в этой утренней вакханалии.

— Вы чокнутые, — сказала она. — Все трое. И ты, и ты, и ты, — она ткнула пальцем в каждого по очереди. — Чокнутые. С утра пораньше.

— Ты проспорила, — напомнил Арсений, уже стоя на ногах. — Вставай. Сегодня твоя очередь завтрак готовить.

— Я не проспорила, — Алиса села, поправила сползшую футболку, поправила волосы — это движение было таким привычным, таким живым, что на мгновение все забыли, где они находятся. — Я фиксировала результат. Это разные вещи. Это называется научный подход.

— Фиксировала она, — фыркнул Никитос, наконец-то поднимаясь с раскладушки и потягиваясь так, что хруст разнёсся по всей комнате. — Скажи прямо: проиграла в «Мортал Комбат». Просто признай.

— Джойстик лагал. Я сто раз говорила.

— На приставке не бывает лагов. Она древняя, как дед, в ней не бывает лагов.

— Бывает, когда зарядка падает! — Алиса сверкнула глазами. — Я знаю, что говорю.

Арсений вздохнул — тяжело, протяжно, как человек, который знает, что спорить с ними бесполезно.

— Вам обоим — пять бёрпи за болтовню. А ты вставай, — он посмотрел на Алису. — Я серьёзно.

— Ты не главный по зарядке, — напомнил Санёк, уперев руки в бока.

— А я — командир отряда. И я здесь главный.

— Дед сказал — по зарядке главный я.

— А дед сказал — по зарядке ты. А за дисциплину — я. И если я сказал — значит, бёрпи.

Санёк задумался. Пауза затянулась. Он переводил взгляд с Арсения на Никитоса, с Никитоса на Алису, потом обратно. Со стороны это выглядело как забавная игра в гляделки. В утреннем полумраке котельной, где пахло старым маслом и ещё чем-то неуловимо домашним, это был почти нормальный разговор. Почти как раньше. До того, как мир сломался.

Никитос с Алисой переглянулись. Молча. Потом синхронно посмотрели на командиров, застывших в позах петухов на насесте.

— Идёмте уже, — сказал Никитос, поднимаясь и натягивая старую, застиранную кофту. — А то они сейчас уставы цитировать начнут. Я это переживал один раз, второго не вынесу. У меня сердце не казённое.

— Идём, — согласилась Алиса, наконец-то вставая с ди-

вана. — А то они так и будут стоять. До вечера. Глазея друг на друга. Как истуканы.

Арсений и Санёк переглянулись. Взгляды скрестились. На мгновение показалось, что сейчас начнётся новый раунд. Но Санёк первым сдался — улыбнулся, махнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Бёрпи я вам сегодня дарю. Но завтра — без вариантов.

— Какой щедрый, — буркнул Арсений, но в голосе уже не было раздражения. Только усталая благодарность. За то, что этот день начался не с тревоги, а с этого. С нормального. С почти человеческого.

Они потянулись к выходу из котельной, толкаясь в дверях, переругиваясь и смеясь. Утро начиналось. Как все утра здесь. С шуток, с толкотни, с бодрящей боли в мышцах от отжиманий, с бесконечного «встаём-встаём». И с надеждой. Незримой, хрупкой, но всё же живой. Которая, как и они сами, держалась здесь, в этом маленьком доме на окраине Фатеево, наперекор всему.

***

Все быстро умылись — холодной водой из ведра, фыркая и отплёвываясь, — сходили в туалет, натянули спортивную одежду и вышли во двор. Утро встретило их свежестью, которая в этом новом мире стала роскошью. Воздух ещё не успел прогреться, висел прохладный, влажный, с запахом ро-

сы и скошенной травы. Пахло жизнью. Настоящей. Которую они сами здесь построили.

Дед уже был на крыше. Силуэт на фоне бледного утреннего неба застыл неподвижно — как памятник самому себе. Старая, выцветшая куртка, бинокль на шее. Он смотрел в сторону леса, на восток, где небо уже начинало розоветь. Смотрел так, будто пытался разглядеть там ответы на вопросы, которые никто не решался задать вслух.

— Доложить обстановку, — голос из рации сухой, с хрипотцой. Дед не спал всю ночь. Или спал, но урывками — как всегда. Его глаза, даже на расстоянии, казались красными и воспалёнными. Но рука с рацией была твёрдой. Стальной.

— Обстановка спокойная, — Арсений поднёс рацию ко рту. Голос — чёткий, по-военному, хотя формальностей здесь никто не требовал. — Никого не замечено. Сейчас — до Евгения Петровича и обратно. Небольшой кросс. Разминка и проверка периметра. Приём.

Он говорил, а рука сама поднялась к виску. Привычка, от которой не могли отучить уже полгода. От которой не хотели отучать. Потому что она напоминала о том, что они всё ещё люди.

— Вас понял, — голос деда в динамике чуть смягчился. — С богом. Конец связи.

Четверо человек вышли из калитки. Петля всё время скрипела. Никто её не смазывал. Говорили, что так безопаснее — слышно, когда кто-то заходит. На самом деле просто

забыли. Или не было масла. Или было, но его берегли для оружия.

Они побежали лёгким бегом до хутора Евгения Петровича. Ноги сами несли по укатанной тропе — широкой, плотной, с вытоптанной травой по краям. Слева — лес, старый, тёмный, с густыми кронами, сквозь которые едва пробивался свет. Справа — поле, пустое сейчас, засеянное только ветром и тишиной. Впереди — хутор, белеющий стеной на фоне зелени.

Никто не боялся этих округов уже. Чего бояться? Тут всё наше. Всё под контролем. А контроль был в том, что Пётр Сергеевич каким-то образом стал вожаком новой стаи. Раньше, в самом начале, он был одним из «лентовских» — той самой первой волны заражённых, которая выкатилась из гипермаркета. Сейчас был «фатеевским». Его стаю так и прозвали — «фатеевские». Улыбашки, которые были под его командованием, патрулировали округу и не подпускали никого к дому. Они появлялись из-за деревьев, из оврагов, из высокого бурьяна — бесшумные, быстрые, с той странной, жутковатой грацией, которой у них раньше не было.

Как он это делал — никто не знал. Пётр Сергеевич не объяснял. Только однажды, на общем собрании, когда все сидели в гараже и смотрели на него с надеждой и страхом, он сказал коротко, сухо, как врач, ставящий диагноз: «Они чувствуют. Как собаки. Только умнее». Пацаны тогда переглянулись, кто-то хмыкнул, кто-то побледнел, но спорить не ста-

ли. В конце концов, когда твой сосед — бывший человек, который сохранил разум и может разговаривать с тварями, ты не будешь задавать лишних вопросов. Ты просто приспособишься.

Пётр Сергеевич сам рассказал — однажды, за ужином, когда разливали по кружкам жидкий чай из сушёных листьев, — как «фатеевские» притащили на общий склад два тела военных. Откуда взяли — никто не знал. Да и не хотел знать. Тела были в форме, с оружием, с документами, которых никто не стал читать. Их сожгли за забором, пепел развеяли по полю. Ритуал. Чтобы не возвращались. Чтобы не оставляли следов, по которым могли бы прийти другие.

Их было в районе сотни на весь посёлок. Они прятались в лесу, в домах, в подвалах, в старых сараях. Да, страшно было первое время выходить из дома, когда ты понимаешь, что они на каждом шагу. Но через месяц этот страх ушёл. Пришло спокойствие. Странное, необъяснимое, но привычное. У нас с ними было правило: мы не заходим на их территорию, они — на нашу. Все соблюдали. И мы жили в мире. Странном, неудобном, но мире. Похожем на перемирие между двумя армиями, которые устали воевать.

Кросс до Евгения Петровича и обратно — километра три, не больше. Размяться, проветрить голову. И заодно проверить периметр. Они бежали молча — слышно было только дыхание, мерный стук кроссовок по утрамбованной земле и далёкий птичий гомон. Иногда — шорох в кустах. Но они

уже знали: это свои. Проверяют. Смотрят.

Никитос первым нарушил тишину. Он бежал справа, чуть позади, но голос у него был громкий, басовитый, с лёгкой хрипотцой — сказывался недосып и возраст.

— Петрович, твой тесть сегодня ушёл уже?

— Он не тесть, — ответил Арсений, не сбавляя темпа. Голос ровный, спокойный. — И ушёл. Ещё затемно.

— И куда?

— Туда же. На разведку.

— Каждый день, — покачал головой Санёк, бежавший с правого фланга. Его лицо было сосредоточенным, но в голосе проскользнула лёгкая насмешка. — Не надоело ему? Всё ищет что-то. Или кого-то.

— Спроси у него сам. Когда он перестанет пахнуть формалином и страхом, — Арсений скосил взгляд на Санька. — Прямо сейчас. Как прибежим.

— Спрошу, — Санёк усмехнулся. — Как только он вылезет из своей лаборатории. Если вылезет.

Никитос хмыкнул — коротко, с присвистом.

— А ты, Санёк, стал разборчивый. Раньше тебя и мёртвая собака не смущала. Ты же первый в логово лез.

— Собака — другое, — ответил Санёк, чуть сбавляя шаг. — Собака не пыталась меня обследовать. А Сергеич — он же всё время пытается. Чуть что — «Открой рот», «Покажи язык», «Дыши глубже». Будто я не человек, а подопытный кролик.

— Ты и есть подопытный кролик, — сказала Алиса, которая бежала рядом с Арсением. Её голос был ровным, дыхание — спокойным, спортивная закалка давала о себе знать. — Ты же отравился прошлым месяцем. Помнишь? Тебя два дня выворачивало.

— Это не отравление было, — запротестовал Санёк. — Это просто несварение.

— Ты съел полведра консервированной говядины, которая простояла в подвале два года.

— Это была стратегическая проверка. Я тестировал запасы.

— Запас проверяют ложкой, а не ведром.

Из леса, метрах в тридцати от тропы, мелькнула тень. Серая, быстрая, почти слившаяся с деревьями. Замерла на секунду — и все четверо заметили её одновременно. Поворот головы, блеск глаз в утреннем полумраке, едва уловимое движение. Потом тень развернулась и исчезла в чаще, как будто её и не было. Только ветка качнулась — на мгновение, на секунду. И снова тишина.

— Видели? — спросила Алиса. Она не сбавила шага, но голос стал настороженнее.

— Видели, — ответил Арсений. — Свои.

«Свои» — это улыбашка. Один из «фатеевских». Проверял. Смотрел. Убеждался, что всё идёт по правилам. Они делали так всегда: появлялись на границе видимости, давали себя заметить, и исчезали. Сигнал. Предупреждение. Иногда

— просто напоминание: мы здесь. Мы следим. Мы помним. Правила работали. Пока.

Они добежали до хутора — старого двухэтажного дома с облупившейся краской и покосившимся забором, — развернулись на пятачке перед калиткой и потрусили обратно. Ноги уже привыкли, дыхание выровнялось. Сердце стучало ровно, размеренно, как часы. Солнце поднялось выше, воздух стал теплее. Утро окончательно вступало в свои права.

***

Они вернулись в дом. Живые, здоровые и потные — футболки прилипли к спинам, на лбу блестели капли пота, дыхание ещё не до конца восстановилось после кросса. Но в глазах — та самая бодрость, которая приходит только после хорошей физической нагрузки. Когда тело устало, а голова — ясная. Чистая, как утреннее небо за окном.

Сейчас Санёк проведёт быструю разминку и растяжку. Он уже стоял в центре гаража и похлопывал себя по бёдрам, разогревая мышцы. Потом — базовые упражнения: подтягивания на турнике, который он сам сварил из труб и закрепил в дверном проёме. Отжимания — три подхода по тридцать, без остановки. Прокачка пресса — до жжения в мышцах, до дрожи в ногах. Планка — минута, две, три, пока кто-то не сорвётся и не упадёт на пол с громким выдохом. Немного с гантелями — самодельными, из кусков арматуры и бетонных

колец, обмотанных изолентой. И немного работы на выносливость — когда уже кажется, что сил нет, а ты продолжаешь, потому что знаешь: если остановишься сейчас, то остановишься и там, за забором. А там останавливаться нельзя.

Всё это он помнил ещё со старых времён. Из той жизни, когда ходил в спортзал каждый день, пил протеиновые коктейли, следил за питанием, спорил с тренерами о технике упражнений и мечтал, что когда-нибудь сам будет стоять по ту сторону зеркала — показывать, объяснять, вдохновлять. Санёк всегда мечтал и хотел стать тренером. Не просто инструктором, а настоящим наставником — тем, кто помогает людям становиться лучше, сильнее, увереннее. Получается, стал. Только в апокалипсис. Но главное, что стал. И пусть вместо профессионального зала — гараж, а вместо клиентов — его друзья и боевые товарищи. Они приходили. Занимались. Прогрессировали. И это было лучшим подтверждением того, что он всё делал правильно.

Тренировка была окончена. Все упражнения выполнены, все мышцы прокачаны. Кто-то лежал на полу, раскинув руки в стороны, и смотрел в потолок, пытаясь отдышаться. Кто-то сидел на корточках, уронив голову на колени. Кто-то просто стоял, согнувшись, и глубоко дышал — ртом, шумно, как после долгого бега. Но на лицах — улыбки. Уставшие, но довольные. Те самые, которые появляются, когда ты сделал больше, чем мог. Или когда кто-то помог тебе сделать это.

За это время, сколько Санёк взял на себя ответственность

проводить зарядку, все неплохо прибавили в силе. У каждого появился объём в мышцах. Плечи стали гораздо шире, руки — больше, спина — прямее. Даже Никитос, который всегда был суховатым и жилистым, теперь выглядел внушительнее. А Санёк, глядя на них, чувствовал гордость. Не за себя — за них. За то, что они не сдались. За то, что продолжали вставать по утрам, даже когда хотелось просто лечь и забыться. За то, что они верили — ему, себе, этому безумному миру, который всё ещё держался на их плечах.

Алиса тоже занималась. Не для объёма — для тонуса. Чтобы бегать быстрее, стрелять точнее, не отставать. Она была частью отряда. И маленькой, очень личной частью жизни Арсения. Он смотрел на неё во время упражнений — как она сосредоточенно морщит лоб, когда держит планку, как покусывает губу, когда тянется к гантелям, как улыбается, когда справляется с очередным подходом. Она не просила поблажек. Не жаловалась. Просто делала — каждый день, без пропусков, без отговорок. И Арсений знал, что она сильнее многих мужчин здесь. Не потому, что у неё больше мышц. А потому, что у неё больше воли.

Поэтому никто даже не мог подумать Мужской закон. Работал безотказно. Тот самый, негласный, который никто не проговаривал вслух, но который чувствовали все. Есть вещи, которые не обсуждаются. Есть границы, которые не переступаются. Есть уважение, которое не требует слов. Арсений и Алиса были вместе — и это было очевидно, как то, что

утром встаёт солнце. И никто, даже в шутку, не позволял себе лишнего взгляда, лишнего слова, лишнего жеста. Не потому, что боялись. А потому, что знали: есть вещи, которые дороже любого удовольствия. Дружба. Доверие. Товарищество. То, что держало их здесь, в этом маленьком доме среди мёртвого мира, живыми. Не просто физически — а по-настоящему. По-человечески.

Санёк хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Всё, народ. Тренировка окончена. Вода — на столе. Через пятнадцать минут — завтрак. Кто не успел — тот опоздал.

Никитос, всё ещё лежа на полу, простонал что-то нечленораздельное. Арсений подошёл к Алисе, протянул руку, помогая встать. Она улыбнулась — той особенной улыбкой, которую он видел только по утрам. В доме запахло потом, старыми коврами и чем-то тёплым. Жизнью. Которая была здесь. И которая не собиралась уходить.

***

Все быстро приняли душ — холодный, колючий, из бочек, нагретых на солнце, — фыркая, отплёвываясь и перекрикиваясь сквозь шум воды. Кто-то успел сполоснуть голову, кто-то просто ополоснулся, стряхивая пот после тренировки. Пахло в предбаннике влажным деревом, дешёвым мылом и свежестью — той, которую даёт только чистая вода

после тяжёлой работы. Затем двинулись на завтрак. Все вместе, гурьбой, толкаясь в дверях и переругиваясь с улыбками.

Завтрак был как всегда очень прост. Но уже с некоторыми изменениями. С появлением Евгения Петровича и наладкой с ним полностью дружеских, даже братских отношений, на столе стали появляться яйца. Не каждый день, но регулярно. Иногда — омлет, пышный, с румяной корочкой, который пах так, что слюнки текли ещё на подходе к столу. Редко — яичница, когда надо было быстро перекусить перед вылазкой. Появился хлеб — настоящий, печёный в печи, с хрустящей коркой и мягким, пористым мякишем. Колбаса — домашняя, копчёная, плотная, нарезанная тонкими кружочками. И каша стала не на воде, а на молоке — густая, сытная, с маслянистой плёнкой сверху, от которой на губах оставался жирный, тёплый след. Такую не стыдно было назвать завтраком. Такую хотелось есть медленно, смакуя, чувствуя, как тепло разливается по телу, наполняя силой на предстоящий день.

Все остальные жители в доме жили ровной, почти гладкой жизнью. Не как в осаждённой крепости, а как в маленькой деревне, где все знают друг друга и каждый занят своим делом. Детей учила и проводила школьные уроки Ирина — та самая амазонка, мать Кости и Вити. В прошлом она была учителем биологии, но научить детей банальным вещам могла: сложение, вычитание, умножение, деление, русская грамота и чтение. А с дедовской библиотекой — целых три стел-

лажа, собранных по заброшенным домам, — это было ещё и очень интересно. Дети слушали, открыв рты. Даже младший, тот, что вечно вертелся и задавал дурацкие вопросы, на уроках затихал и смотрел на картинки в старых книгах, будто видел их впервые.

Витя и Костя стали местными разведчиками. Они часто выбирались в город вдвоём — на стареньком мотоцикле, который когда-то нашёл в гараже за посёлком, — и разведывали ближайшие улицы. Их главная задача была — искать ещё каких-то выживших. Но при этом — не рисковать шкурой. Ни геройства, ни лишнего шума. Увидел — доложи. Не уверен — уходи. За это время они так никого и не нашли. Даже не видели. Пустота. Город вымер. Или затаился. Или то, что осталось от живых, уже давно сидело по норам и не высовывалось, боясь каждого шороха. Они возвращались каждый раз с одним и тем же докладом: «Никого. Пусто. Только ветер». И складывали оружие в угол, садились за стол и ели, глядя в тарелки и не говоря ни слова.

Мужики занимались своими мужскими делами. Охота и строительство. Денис и Владимир, бывшие коллеги, частенько приносили мясо какой-то дичи — то кабана, то косулю, то просто крупного зайца. И однажды, у них получилось отловить пару зайцев и притащить их на содержание к Евгению Петровичу. А тот грамотно их разводил и делился ещё и крольчатиной. Мясо стало не редкостью, а привычкой. Хорошей привычкой. Когда на столе есть белок, ты знаешь, что

проживёшь ещё один день. И следующий. И ещё один после.

Женщины, пока не было снега, занимались огородом и делами по дому: мытьё, стирка в тазах с горячей водой из котла, прополка грядок, сбор урожая. Руки их были с мозолями и потрескавшейся кожей. Но они не жаловались. Работа монотонная, тяжёлая, но без неё — никак. Грядки кормили всех. Каждая морковка, каждый помидор, каждый огурец были на вес золота. И они знали это. Поэтому копались в земле до седьмого пота, собирали урожай, сушили, солили, мариновали — чтобы зима не застала их врасплох.

А пацаны Пацаны были боевым составом всей этой системы. Трое — Арсений, Санёк и Никитос. Они выдвигались на любую информацию от Кости и Вити. И либо её убирали, либо приводили в дом. Но всегда — всё это было зря. Найти никого не получалось. А если и получалось, то это были уже давно заражённые. Улыбашки. Без надежды, без речи, без будущего. Их не брали в плен. Их не допрашивали. Их убивали. Быстро. Тихо. Без жестокости. Как больное животное — из милосердия. Или из усталости. Кто разберёт.

Жизнь продолжалась. И она была налажена идеально. Странно. Непривычно. Но идеально. Дед на крыше — глаза и уши всего посёлка. Пётр Сергеевич в доме напротив — негласный хранитель, который держал баланс между миром живых и миром улыбашек. Евгений Петрович со своими скотом — кормилец. Дети за партой — будущее, которое всё ещё имело право на существование. Женщины у грядок

— основа, на которой держался быт. Мужчины в лесу — добытчики, которые не давали голоду переступить порог. Пацаны — наготове. Всегда наготове. Система, которая работала. Вопрос только: как долго.

Во время завтрака в дом зашёл Пётр Сергеевич. В чистом белом халате — накрахмаленном, отглаженном, без единого пятна. Это была его вещь — почти единственная, что осталась от прошлой жизни. Он почти не снимал его, стирал сам, гладил сам, как будто халат был его броней. Его пропуском в мир, где он всё ещё был человеком, а не чем-то иным.

— Привет, пап, — первой заметила его Алиса. Голос — тёплый, дочерний, тот самый, который не меняется даже в конце света. — Кушать будешь? Тут каша и по пол-яйца каждому.

— Нет, спасибо, солнышко, — улыбнулся Пётр Сергеевич дочери. Улыбка выходила кривой — шрамы стягивали кожу, не давали растянуться как надо. Один глубокий — от скулы до подбородка. Второй — через всю щёку, рассекающий губу. Но Алиса привыкла. Не замечала уже. Для неё он всё равно был отцом. Тем, кто когда-то учил её кататься на велосипеде, читал на ночь сказки и держал за руку, когда было страшно.

— Алексей, — Пётр Сергеевич повернулся к деду. Голос стал деловым, ровным. — У нас банный день сегодня.

— Помню, Петь, — ответил дед, жуя яйцо. Прожевал, кивнул, вытер усы тыльной стороной ладони. — Всё по пла-

ну?

— По плану. Забираю всю стаю, веду за город. На карьер. Он в десяти километрах. Они грязные. Если их не мыть — начинают болеть. Или тупеют. Не знаю. Но тогда они перестают слушаться. А нам это не нужно.

Дед крякнул. Согласие. Никаких лишних вопросов. Он знал, что Пётр Сергеевич знает, что делает. Иначе бы их всех уже не было в живых.

— Всё правильно, Петь. Веди. Мы тут без тебя справимся, не переживай. Рация есть?

— Да, есть.

— Если что — на связи. С богом.

Дед принялся дальше есть кашу, ложка за ложкой, методично, сосредоточенно. Разговор был окончен. Всё по делу, без лишних сантиментов. Пётр Сергеевич кивнул и вышел из дома, притворив за собой дверь — тихо, почти беззвучно.

Арсений зачем-то выглянул в окно. Не потому, что хотел проверить. Просто привычка. Знать, что происходит за порогом. Около калитки уже стояло человек тридцать. Молча. Неподвижно. Как статуи. Как солдаты на параде. Как он это делает? Как созывает всех в одну точку за считанные минуты? Никто не знал. Пётр Сергеевич никогда не объяснял. Может, это было то, что осталось от его человеческой сущности. Может, это был дар. Может — проклятие.

Все улыбашки были грязные. Кровавые. Вонючие. Их одежда — лохмотья, когда-то бывшие куртками и штанами,

— висела на них мокрыми тряпками, пропитанными засохшей кровью, грязью и чем-то сладковато-кислым, от чего тошнило даже на расстоянии. Тела — бледные, с синеватыми прожилками, с рубцами и свежими ранами, которые они не чувствовали. Глаза — пустые, остекленевшие, но смотрящие. Смотрящие на Петра Сергеевича с чем-то, что можно было принять за преданность. Или за инстинкт.

Пётр Сергеевич каждую неделю водил их на карьер за городом. Старый карьер, заброшенный ещё в восьмидесятых, заросший кустарником и деревьями. Выходов воды нет — как и входов. Он не боялся за заражение местной воды: из карьера она не убежит. Застоявшаяся, тёмная, холодная — идеальное место для купальни. Он мыл их там, нагишом, как детей, смывая с них грязь и кровь. Пётр Сергеевич делал это молча, сосредоточенно, будто мыл не стаю монстров, а просто... больных. Которых нужно было вылечить. Или хотя бы поддерживать в чистоте.

— Банный день, — тихо сказал Арсений, глядя, как Пётр Сергеевич открывает калитку и выходит к стае.

Улыбашки не двинулись. Ждали. Пётр Сергеевич что-то сказал — не крикнул, а скорее издал горловой, щёлкающий звук, похожий на тот, которым подзывают собак. И стая пошла. Молча. Нога в ногу. Как солдаты. Тридцать фигур в лохмотьях двинулись за ним в сторону леса, к старому карьеру. Шаги были почти неслышными — только шорох травы под ногами. Они растворялись в утренней дымке, исчеза-

ли за деревьями, один за другим, как тени. Арсений смотрел им вслед, пока последняя фигура не скрылась из виду. Где-то далеко, за лесом, начал просыпаться ветер. Он шевелил кроны, и они шумели — тихо, тревожно, как будто предупреждая о чём-то.

— Странный у нас быт, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Никто не ответил. Дед доедал кашу. За окном шевелился лес. Солнце поднималось выше, и новый день вступал в свои права. Там, за лесом, Пётр Сергеевич вёл свою стаю на купальню. А здесь, в доме, всё шло своим чередом. Как будто так и надо. Как будто это было нормально.

***

Вся семья, кроме Петра Сергеевича, сидела за столом и доедала завтрак. Кто-то уже успел дважды налить себе чаю, кто-то дожёвывал корку хлеба, макая её в остатки каши. За окном уже вовсю разгорался день — солнце поднялось выше, заливая комнату жёлтым, тёплым светом, в котором танцевали пылинки. В доме было тихо, уютно и почти по-домашнему — если бы не пистолеты и рации, разложенные на подоконнике. Настоящая мирная жизнь была где-то далеко, но здесь, в этом доме, научились создавать её подобие из того, что осталось.

Дед отодвинул пустую тарелку, промокнул усы салфет-

кой — бумажной, самодельной, из старой газеты, — и обвёл взглядом сидящих. Глаза у него были цепкие, зоркие, несмотря на возраст. Он никогда не повышал голос, но его слушались. Его уважали. Его боялись. И любили — по-своему без лишних слов.

— Так, пацаны, — начал он негромко, но так, что все за столом притихли. — У вас смена у Евгения Петровича. Делаете муку сегодня. Он уже старый, силы не те. Отбираете зерно и мелете. Всё, что есть — в дело. Нужно запасаться на зиму.

— А как мелете-то? — подал голос Никитос, который как раз дожёвывал последний кусок хлеба. Он откусил, прожевал и, не дожёвывая до конца, спросил: — Мельницы у нас нет. Только лампочка в подвале и старый мотор от стиральной машины, который сдох в прошлом месяце.

— Ручная жернова, — ответил дед спокойно. — Евгений Петрович покажет. Две каменные плиты, нижняя неподвижная, верхняя крутится. Зерно между ними — и в муку. Тяжело, медленно, зато надёжно. Всю жизнь так муку делали, пока электричество не придумали. Век назад, может, и дольше. И ничего, люди жили. И мы будем.

— А долго? — спросил Санёк, уже мысленно прикидывая, сколько сил уйдёт на эту работу.

— Пока не смелете, — дед усмехнулся в усы. — Мешок зерна — часа четыре, если не филонить. Если будете лениться — все шесть. Так что беритесь дружно, не отвлекайтесь,

работайте с толком. Всем понятно?

— Так точно! — ответили трое хором. Даже голоса прозвучали почти как строевая команда — привычка, от которой никто не пытался избавиться. Она держала их, не давала развалиться.

— Женщины, — дед повернулся к женской части, которая сидела с краю стола. Бабушка Лариса уже успела допить чай и убрать за собой посуду. — Окучиваем картошку сегодня. И убираем сорняки. Сорняки — в компост. Ничего сложного — руками выдёргиваете, складываете в кучу, потом перекопаете с навозом. Земля скажет спасибо.

— Поняли, — кивнула бабушка Лариса и поправила платок на голове. — Сделаем, Алёш. Ты не переживай.

— Наши охотники, — дед перевёл взгляд на Дениса и Владимира, которые сидели в углу у камина, чистили ножи и переговаривались вполголоса. — Лес сегодня в вашем распоряжении. Денис, Владимир — без добычи не возвращаться. Вчера ходили — принесли зайца. На один зуб. Сегодня нужно больше. Скоро холода, мясо зимой — основа. Если найдёте кабана — считайте, месяц у нас в кармане.

— Постараемся, — усмехнулся Денис, поглаживая лезвие ножа. У него было спокойное, обветренное лицо охотника, который знал лес как свои пять пальцев. — Вчера следы видели, но ушли глубоко. Сегодня проверим ту же тропу.

— Не «постараемся», а сделаем, — поправил дед, и голос его стал твёрже. — За работу, господа. День не резиновый.

Он встал из-за стола, одёрнул рубаху, поправил ремень. Сегодня он не хотел сидеть на чердаке и смотреть в эти окна. Ему сегодня хотелось активности. Земли под ногами. Работы, которая бы выбивала пот и наполняла каждую клетку тела усталостью — здоровой, настоящей. Поэтому он пошёл с женщинами на грядки. Взял лопату, потрогал черенок — знакомый, тёплый от солнца. Вдохнул запах земли, травы и пыли. Хорошо. Правильно. А на крышу вместо себя отправил Сергея и Илью. Они сменяли друг друга, смотрели в бинокль, докладывали по рации.

Дед вышел во двор, прищурился от солнца. Женщины уже направлялись к грядкам — с граблями, с вёдрами, с тряпками на головах от жары. Бабушка Лариса шла впереди, по-командирски, как и положено главной на огороде. Дед догнал её, взял вторую лопату, и они пошли рядом — старые, седые, но ещё полные сил. За ними тянулась пыльная дорожка, и утро пахло травой, землёй и начинающейся работой. Всё было как всегда. Как вчера. Как позавчера. Как будто так должно быть. Может, так и было правильно.

***

Работа закипела сразу. Пацаны ещё не успели уйти с участка, а на картофельном поле уже раздались первые звуки — лопаты с глухим, влажным стуком входили в землю, женщины переговаривались негромко, перебрасываясь ко-

роткими фразами, дед командовал — спокойно, без крика, но каждое его слово было слышно, и каждое выполнялось. Земля пахла сыростью, свежей зеленью и потом — тем самым, настоящим, который появляется только от настоящего труда. Солнце поднималось выше, припекало, но никто не жаловался. Все знали: урожай — это жизнь. И они не имели права её упускать.

Пацаны надели своё боевое снаряжение. Это был уже не просто ритуал — это была необходимость. Дед сказал: периметр у нас пуст. У наших охранников — банный день. Быть в полной боевой готовности. На всякий случай. Потому что в этом мире «на всякий случай» значило «наверняка». Так что они были готовы. Именные пистолеты на поясе — привычная тяжесть, которую уже не замечаешь, как не замечаешь собственных рук или ног. Кожаный ремень, протёртый до блеска на сгибах, кобура, притёртая к бедру за время носки. Ножи в ножнах — рукоятки потёртые, отполированные до гладкости ладонями, лезвия точили до бритвенной остроты каждую неделю. Фляги на ремне — вода, на всякий случай. И погоны со звёздами. Никитос — лейтенант. Санёк — капитан. Арсений — майор. Звёзд не прибавилось. Сколько бы подвигов они ни сделали, сколько бы вылазок ни пережили — дед не спешил с повышениями. Не заслужили ещё. Или просто дед считал, что рано. Или не хотел раздавать звания, как конфеты, обесценивая их. Или знал что-то, чего они ещё не понимали. Они не спрашивали. Доверяли.

Главное различие в снаряжении было у каждого. Не столько по званию, сколько по роли, которую они играли в этой маленькой, но слаженной системе.

У Санька — метательные ножи. Пять штук. Тяжёлые, сбалансированные, с удобной рукояткой, обмотанной чёрной изолентой, чтобы не скользили в потной ладони. Он их метал в полёте, как птиц — легко, почти не глядя, чувствуя каждый грамм веса, каждое движение воздуха. Почти никогда не промахивался. Только однажды, когда рука дрогнула от усталости. Но тот случай он запомнил надолго. И с тех пор метал только уверенно — или не метал вообще.

У Никитоса — бинокль и карта. Бинокль — немецкий, ещё из трофеев Евгения Петровича, с чёткими линзами и регулировкой, которую он настроил под себя и больше не трогал. Карта — самодельная, с пометками, где свои, где чужие, где опасно. Аккуратным каллиграфическим почерком, каким он выводил в школе на уроках чистописания, он наносил каждую новую точку, каждый замеченный след, каждое место, где лучше не появляться. Его карта была точнее любой топографической — потому что на ней была живая реальность, а не линии на бумаге.

У Арсения — рация для связи и аптечка. Рация — старая «Моторола», прочная как кирпич, с потрескавшимся корпусом и антенной, которую перепаивали уже три раза. Она работала безотказно, даже когда всё остальное отказывало. Аптечка — не походная, а боевая. С кровоостанавливающими,

турникетами, антисептиками, шприцами-ручками, обезболивающими в ампулах и даже одной дозой антибиотика, которую берегли, как зеницу ока. Алиса укомплектовала. Сказала: «Вы без меня туда, где пули свистят. Вот вам — пулям назло». Никто не спорил. Даже думать не пытались. У каждого была своя роль. У каждого — своя задача. И они знали её наизусть, как молитву.

Пацаны направились в сторону дома Евгения Петровича. Шли привычной тропой — укатанной, знакомой до каждой кочки. Дошли быстро, смотря по сторонам, автоматически сканируя взглядом каждый куст, каждую тень, каждую ветку, которая могла качнуться не от ветра. Привычка, которая спасала жизнь. И спасала не раз.

Там, где раньше на посту стояли улыбашки — незримые, но всегда присутствующие, как тени, как молчаливые стражи, — теперь была пустота. Лес молчал. Тропинка пустовала. Ни шороха, ни движения, ни той особенной тишины, которая бывает, когда за тобой следят. Трава не примята, кусты не шелохнутся. Только ветер иногда касался верхушек деревьев, и они вздыхали — легко, тревожно, как будто тоже ждали.

— Пусто, — сказал Никитос, опуская бинокль. Голос был нейтральным, но в нём проскользнула едва заметная настороженность.

— Вижу, — ответил Санёк. Он стоял чуть впереди, положив руку на рукоятку ножа, готовый в любой момент выхва-

тить и метнуть. Глаза его бегали по опушке, выискивая движение.

— Ну ничего, — бросил Арсений, не оборачиваясь. Он шёл первым, чуть ссутулившись, но на самом деле — собранный как пружина. — Это временно. Банный день кончится — улыбашки вернутся. Встанут на свои места. И снова будет патруль. Тихий, невидимый, но надёжный. И мы будем знать, что нас прикрывают.

Он говорил спокойно, почти буднично, но в голосе чувствовалась уверенность. Они знали, что Пётр Сергеевич вернётся. Он всегда возвращался. Со своей стаей. Со своей странной, необъяснимой властью над ними. И снова лес наполнится тенями, и тропинки станут безопасными, и можно будет дышать чуть свободнее. Странная охрана. Но лучшая, какая у них есть. И они принимали её — как принимают дождь после засухи, как принимают тишину после боя. Без вопросов. Без благодарности. Просто как данность. Как ещё один кусочек их нового мира, который они учились любить, принимать и не бояться.

Дошли до калитки хутора. Она была старой, деревянной, с петлями, которые скрипели при каждом открывании, — но Евгений Петрович не спешил их смазывать. Говорил, что скрип — это сигнал: «Я иду, не прячьтесь». Или «Чужой идёт, готовьтесь». В любом случае, скрип его устраивал.

Евгений Петрович уже ждал — сидел на лавке у крыльца, курил самокрутку, щурился на солнце. Он был похож на

корня старого дерева: сухой, жилистый, обветренный, с руками, которые помнили и тяжёлую работу, и холодную воду, и тепло очага. Дым от его самокрутки вился вверх, таял в утреннем воздухе, смешиваясь с запахом травы, нагретой земли и начинающегося дня.

— А, бойцы, — сказал он, выпуская дым. Голос хриплый, прокуренный, но приветливый. — За мукой пришли? Заходите. Жернова в сарае. Я пока покурю, на вас посмотрю. Сил у вас много? Молодые, горячие. Посмотрим, как четыре часа крутить будете.

— Смотрите, Евгений Петрович, — усмехнулся Никитос, поправляя ремень с кобурой. — Только не засните. А то мы тут всё зерно перемелем, а вы и не заметите.

— Не засну, — старик хмыкнул и снова затянулся. Дым тонкой струйкой вырвался изо рта, и он проводил его взглядом, как будто наблюдал за чем-то важным. — Успею ещё на том свете выспаться. А тут — жить надо. Смотреть. Радоваться. И вас воспитывать. Молодёжь нынче — ветер в голове. Одни автоматы на уме. А зерно молоть надо. Хлеб печь. Всё остальное — временное.

Он говорил негромко, но с той особенной спокойной уверенностью, которая бывает только у людей, проживших долгую жизнь. Когда уже ничего не страшно. Когда главное — чтобы день прошёл не зря.

Евгений Петрович и поднялся. Потянулся, хрустнул спиной, отряхнул брюки.

— Ладно, хватит курить. Пошли, покажу. Работа не ждёт.

И они вошли во двор, пошли за стариком — в сарай, где пахло камнем, зерном и временем. Где их ждали ручные жернова — две каменные плиты, старые, намолотые до гладкости, готовые перемалывать зерно в муку. Где начиналась та самая, монотонная, тяжёлая, но важная работа. Которая кормила. Которая держала их на плаву. Которая была смыслом этого дня.

***

Прошло два часа с начала работы. Пацаны трудились в сарае — монотонно, ритмично, сменяя друг друга у жерновов. Каменные круги ходили туда-сюда, перемалывая зерно в мелкую, чуть теплую муку, которая пахла свежестью и землёй. Руки привыкли, мышцы гудели. Иногда они уходили на перекур — но не курить, а попить свежего молочка, парного, с пенкой, и съесть кусочек хлеба с маслом. Хлеб Евгений Петрович пёк сам, в русской печи. Тёмный, тяжёлый, с хрустящей коркой, которая лопалась под пальцами, рассыпаясь тёплыми крошками. Лучшее, что было в их новой жизни. То, что заставляло забывать о мёртвом городе, о вонючих улыбашках, об усталости и страхе. Просто хлеб. Просто молоко. Просто — как раньше.

На огороде всё пахали. С картофельным полем уже покончили — ровные борозды тянулись до самого забора, и земля

лежала чёрная, жирная, выдыхающая тепло. Остались грядки — все дружно убирали сорняки, складывали в компостную кучу, переругивались, смеялись, обменивались новостями. Дед работал рядом с женщинами, размеренно, без лишних движений. Лопата в его руках ходила легко, привычно — старые мозоли не давали скользить черенку. Было почти мирно. Почти как в прошлой жизни.

Мужики охотились — Денис и Владимир ушли в лес ещё на рассвете, и теперь от них не было вестей. Сергей и Илья смотрели в оба на крыше. Ну как смотрели. Илья любил похалтурить. Это знали все — и закрывали глаза. Поэтому он уснул в кресле-качалке, как только поднялся на крышу. Кресло было старое, плетёное, ещё с чьей-то дачи, найденное в брошенном доме. Илья накрылся брезентом, сложил руки на груди и отключился — храпел тихо, но мерно, как кот на печи. Сергей стоял рядом, смотрел в бинокль, поворачивал голову, щурился на солнце. Илья его не отвлекал. У каждого свои недостатки. У Сергея — терпение. У Ильи — талант спать в любых условиях. Система работала.

Витя и Костя были на дальних позициях в дозоре. Сидели в засаде на окраине, в старом заброшенном доме с выбитыми окнами, и наблюдали за посёлком — кто входит, кто выходит. Им нравилась эта работа. В ней они чувствовали себя нужными. Не как раньше — вечно виноватые, вечно отрабатывающие свои ошибки. Теперь они были глазами крепости. Серьёзно. Ответственно. Почти гордо. Старший, Витя, дер-

жал пистолет наготове, младший, Костя, смотрел в бинокль, морща лоб, как заправский разведчик. Они не разговаривали — только короткие, сухие команды. И знали, что от них зависит безопасность всего Фатеево.

Вдруг рация деда затрещала. Коротко, прерывисто — сигнал тревоги.

— Алексей Александрович, приём, — раздалось из динамика. Голос Вити — напряжённый, но чёткий, с той особенной выправкой, которая появляется, когда ты понимаешь: сейчас — всерьёз.

— Приём. Докладывай.

— Только что в посёлок заехал УАЗ. Тёмно-зелёный. В нём трое. Все в военной форме. Были замечены три автомата: два Калашникова и один какой-то неизвестный — длинный, с деревянным прикладом. Едут в вашу сторону. Медленно, но ровно. Приём.

— Твою мать, — дед выругался скупо, без лишних эмоций. Голос стал стальным. — Сидите на точке. Если ещё кто появится — доложите. Не высовываться. Наблюдать.

— Так точно. Конец связи.

Дед тут же принял командование. Ни секунды раздумий. Ни капли сомнения.

— ВСЕ В ДОМ! БЫСТРО! — закричал он на весь огород. Голос был такой силы, что птицы с ближайших деревьев сорвались и улетели, оставляя за собой только испуганный крик и хлопанье крыльев.

Все обернулись на него. Женщины замерли на мгновение — и тут же бросили инструменты. За это время они уже поняли: нельзя ничего спрашивать. Всё равно ответа не будет. Вопросы — потом. Сейчас — только приказы. Сейчас — только движение.

Ирина выпрямилась, схватила за руку младшего сына, рванула к дому, прижимая его к себе. Бабушка Лариса бежала, скинув фартук на ходу, чтобы не цеплялся за ноги. Мать Арсения метнулась к калитке, даже не оглянувшись. Инструменты остались лежать на грядках — тяпки, грабли, вёдра, лейки. Всё бросили. Всё стало неважным. Все побежали в дом. Пыль взметнулась за ними, оседая на листьях и траве.

Дед уже бежал в сторону чердака. Взлетел по лестнице — для своих лет шустро, по-молодому, не чувствуя ни возраста, ни боли в суставах. Забежал в наблюдательный пункт, где Сергей уже стоял у окна и смотрел на дорогу в бинокль. Он не обернулся. Только сказал спокойно, как будто докладывал о погоде:

— Алексей Александрович, машина.

— Знаю, — ответил дед, хватая свой бинокль с подоконника.

Он прижал линзы к глазам, подстроил резкость привычным движением. Серая, пыльная дорога, выжженная солнцем. Заборы. Деревья. И УАЗ. Тёмно-зелёный, потрёпанный, с одной разбитой фарой и глубокой ржавой царапиной на боку. Катился медленно, неуверенно, как будто водитель

не знал, куда ехать. Или знал, но боялся. Или искал кого-то. Дед рассмотрел лица — мельком, на повороте. Трое. В форме. С автоматами. Один сидел за рулём — собранный, напряжённый, лоб в поту, руки на руле. Второй на пассажирском — смотрел в окно, вертел головой, что-то говорил, но губ не разобрать. Третий сзади — держал оружие на коленях, стволом в пол, но палец на спусковом крючке. Опытный. Готовый к чему угодно.

— Кто такие? — спросил Сергей, не отрываясь от бинокля.

— Не знаю, — ответил дед, и голос его был ровным, хотя внутри всё сжалось. — Но сейчас узнаем.

Он не опускал бинокль. Следил, как УАЗ медленно ползёт по улице. К их дому. К их калитке. Внизу, в доме, хлопали двери. Женщины загоняли детей в самую дальнюю комнату, в подвал, куда не достанут пули. Шаги грохотали по деревянному полу. Кто-то плакал. Кто-то ругался. Кто-то просто молчал. Пацаны в сарае — они ещё не знали. Им нужно было сообщить.

— Сергей, свяжись с пацанами. Быстро. И скажи — оружие наготове, но не высовываться. Ждать команды.

— Есть.

Сергей схватил рацию, нажал кнопку вызова. Дед смотрел на машину. Она медленно приближалась.

— Ну, гости, — сказал он тихо, одними губами. — С чем пожаловали?

УАЗ остановился в трёхстах метрах от их забора. Двигатель чихнул, кашлянул и заглох. Тишина. Та самая, злая, настороженная. Дед слышал своё дыхание. Потом — треск рации.

— Арсений, приём, — голос Сергея звучал ровно, но с металлом. Отец Санька — спокойный, даже когда внутри всё кипит.

— Приём, слушаю вас, — ответил Арсений. Голос — собранный, но в нём слышалось напряжение.

— У нас машина. Неизвестная. Трое человек. Все в форме и с оружием. Идти в дом. Оружие — наготове. Как поняли?

— Вас понял. Выдвигаемся.

Арсений отключил рацию и обернулся. Пацаны застыли. Никитос сжимал в руке банку с молоком — так и не допил, так и застыл с ней, как будто забыл, что держит. Санёк уже натягивал лямки разгрузки, проверял ножи на поясе, пальцы двигались быстро, привычно, как у музыканта перед концертом. Евгений Петрович сидел на лавке, курил самокрутку. Усиленно. Дым валил из носа и рта одновременно. Глаза — щурые, но внимательные. Старый волк, который повидал слишком много, чтобы чего-то бояться.

— Евгений Петрович, вернёмся — доделаем, — сказал Санёк, на ходу поправляя кобуру. Голос его звучал буднично, хотя внутри всё дрожало.

— Помощь нужна, бойцы? — спросил Евгений Петрович, и рука его уже тянулась к дробовику, стоявшему в углу у пе-

чи. Старый, двуствольный, с потёртым прикладом. Надёжный. Как и он сам.

— Нет. Сами справимся, — ответил Арсений и, не оборачиваясь, выбежал из сарая. Остальные — за ним.

***

Дед на крыше смотрел, не опуская бинокль. Ждал. Линзы выхватывали из утреннего света каждое движение трёх фигур — их жесты, повороты голов, переглядывания. Он уже давно научился читать людей по тому, как они держат оружие, как ставят ноги, как смотрят по сторонам. Сейчас он читал этих троих, как открытую книгу — и книга эта ему не нравилась.

Двое были явно не уверены в себе. Перекидывали оружие из руки в руку — то на ремень, то обратно, будто не могли найти удобное положение. Дёргались от каждого звука — ветка хрустнет под ногой, птица вспорхнёт в кустах — они вздрагивали, озирались, перешёптывались. Новички. Или просто трусы. Такие долго не живут в этом мире. Но вот третий. Высокий. Сильный. Держался прямо, даже расслабленно — как человек, который привык к опасности и не видит в ней ничего особенного. Автомат висел на ремне, но рука лежала на рукояти — готовность без напряжения, без показной бравады. Он точно был главный. И слишком уверен в себе для этих мест. Или слишком глуп. Или слишком

хорошо знал, куда приехал.

Они стояли около дома Алисы — бывшего дома Петра Сергеевича. Смотрели на окна, на покосившееся крыльцо, на сухие листья, нанесённые ветром к порогу. Переговаривались тихо — Дед видел, как шевелятся их губы, но слов не слышал. Потом высокий кивнул, и они открыли калитку — та скрипнула, как всегда, но никто из них не вздрогнул. Поднялись на крыльцо, ступая осторожно, проверяя каждую доску. Постучали аккуратно в дверь — три удара, коротких, вежливых. Дверь была открыта. Они переглянулись, и главный первым толкнул её плечом. Зашли внутрь. Дверь за ними закрылась — и в окнах стало темно.

Дед взял рацию, нажал кнопку вызова. Голос его был ровным и холодным, как сталь.

— Арсений, приём.

— Слушаю, товарищ майор, — ответил Арсений. Дыхание сбитое — бежали. Слышно было, как ветер свистит в динамике, как шуршат под ногами трава и земля.

— Запоминай. Сейчас трое в доме Петра Сергеевича. При себе: у каждого нож на поясе, пистолет Макарова. Два автомата Калашникова и одна немецкая винтовка старая, но надёжная. В бронежилетах все трое. — Дед говорил быстро, чётко, как зачитывал техническую характеристику, каждое слово вгрызалось в воздух. — Наши пистолеты их не пробьют. В бой не лезть. Как поняли?

— Вас понял, — ответил Арсений. Голос твёрдый, но в

нём прорезалась нотка напряжения. — В пяти минутах от вас. Конец связи.

Дед убрал рацию. И снова приник к биноклю. В доме напротив было тихо. Слишком тихо. Окна смотрели на улицу мёртвыми стёклами. Ни тени. Ни звука.

— Сергей, — сказал он, не оборачиваясь. — Илью разбуди. Мне нужны две пары глаз.

— Есть.

Сергей шагнул к спящему Илье. Пнул кресло-качалку ногой — не сильно, но чувствительно, чтобы тот понял — это не шутка. Кресло качнулось, и Илья встрепенулся, заморгал, хватая ртом воздух.

— А? Что? — голос хриплый, спросонья.

— Гости, — коротко сказал Сергей. — Трое. С оружием. В доме напротив. Будь готов.

Илья мгновенно проснулся. Тряхнул головой, вытер лицо рукавом, чтобы прогнать остатки сна. Взял бинокль с подоконника, проверил линзы, встал к окну, к левому флангу. Теперь их было двое. Две пары глаз. Два ствола. Два человека, готовых ко всему.

Дед смотрел на дом Алисы. Окна — тёмные, безжизненные. Дверь — закрыта. Тишина — вязкая, тягучая. Только где-то вдалеке, со стороны леса, доносился равномерный шум — ветер в кронах. Или стая на карьере плещется, окунаясь в холодную воду, смывая недельную грязь. Банный день продолжался. А здесь продолжался другой день — напря-

жённый, опасный, готовый перевернуться в любой момент.

— Ну что ж, гости, — тихо сказал дед, будто обращаясь к ним через дорогу, — посмотрим, кто вы и откуда.

Он не опускал бинокль. Рука его лежала на рации, готовая в любой момент нажать кнопку вызова. Ноги были чуть расставлены для устойчивости. Дыхание — ровное, спокойное. Снаружи — солнце и тишина. Внутри — сталь, которую годы не съели. Он ждал. Он умел ждать.

***

Трое вышли из дома через минуту. Автоматы опущены — стволами вниз, к земле. Не нашли, что искали, подумал дед. Или не нашли того, кого искали. Большой, высокий, тот, что был главным, достал из кармана потёртый блокнот и стал что-то в него записывать — сосредоточенно, короткими пометками, иногда поднимая голову и осматриваясь. Двое других стояли рядом, крутили головами, но с места не двигались — замерли, как вкопанные, оружие на груди, пальцы на спусковых крючках. Ждали приказа. Смотрели на улицу, на заборы, на дома, на тишину, которая давила на уши. Ждали, что из этой тишины кто-то выйдет. Или выстрелит. Или они выстрелят первыми.

Вдруг высокий поднял голову от блокнота, сунул его в карман и двинулся в сторону дома деда. Шёл медленно, спокойно, не прячась, не крадучись, — как хозяин, который

осматривает свои владения. Остановился в трёх метрах от калитки. Внимательно посмотрел на окна — щурился, прикрывая глаза ладонью от солнца. Окна были тёмными, но он не смотрел в них — он смотрел мимо. Потом перевёл взгляд на траву рядом с домом. На скошенную, ухоженную траву, на грядки, где ещё торчали брошенные тяпки — женщины выбежали так быстро, что даже не успели их убрать. На верёвки с бельём — чистое, выстиранное, сушится на солнце, колышется на ветру, как флаги мирной жизни. На дорожку, усыпанную песком, без единого сорняка. Видимо, сделал для себя какие-то выводы.

Старый я дурак, подумал дед. Около дома всё было чисто. Трава скошена. Сорняки вырваны. Всё убрано, прибрано, сложено по местам. Никакого бардака, никакого запустения. Явно не было похоже, что тут конец света. Слишком жилое место. Слишком обжитое. Слишком ухоженное для того, чтобы быть просто очередным пустым домом. Дед понял: они заметили. Не всё, но достаточно. Этого хватит, чтобы вернуться сюда снова. Или чтобы зайти прямо сейчас.

Он смотрел на высокого — тот стоял у калитки, не торопясь, и изучал территорию. Взгляд его скользнул по крыше — и на мгновение дед почувствовал, что они встретились глазами. Хотя это было невозможно — он был в тени, за биноклем, на расстоянии. Но это чувство — как будто тебя увидели. Как будто знают, что ты здесь.

— Арсений, приём, — дед взял рацию. Пальцы дрожали

— он сжал корпус сильнее, чтобы скрыть. Подушечки побелели, но голос остался ровным.

— На связи, — ответил Арсений. Голос был ровный, но дед слышал — за этой ровностью напряжение, как натянутая струна, которая вот-вот лопнет. Внук ждал команды. И боялся. Не за себя.

— Идут к нашему дому. Главный — ты. Действуете по твоей команде. И если слышите выстрелы — бегите. Все. Не оглядываясь.

— Дед, ты чего? — Арсений не понял. Или понял, но не хотел верить. Голос его сорвался на мгновение, и дед услышал это. — Не делай глупостей.

— Ничего, Арсений. Это жизнь. Просто жизнь.

Дед сделал паузу. Глотнул воздух — сухой, горький, не лез в лёгкие. Секунда. Две. Потом он сказал то, чего не говорил никогда. То, что берег для другого времени. Но другого времени могло и не быть.

— Я люблю тебя.

И он отпустил кнопку рации. Не дождался ответа. Побоялся, что не сможет удержать голос, если услышит в ответ что-то тёплое. Внук простит. Потом. Если будет «потом». Связь оборвалась. В рации — только треск. Белый шум. Пустота. Дед поднёс бинокль к глазам, но не смотрел — просто держал, чтобы не видеть их лица. Не видеть, как высокий подходит ближе.

Все трое пацанов слышали этот разговор. Бежали молча.

Ноги сами несли по укатанной дороге, но воздух стал другим — тяжелее, плотнее, как перед грозой. Внутри у каждого что-то оборвалось. То, что они не могли объяснить словами. То, что называется «почти».

Никитос сжал кулаки так, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони. Он бежал, стиснув зубы, смотря прямо перед собой — не на дорогу, а сквозь неё, как будто пытался разглядеть конец этой гонки, этот дом, эту крышу, этого деда, который сейчас стоял там один. Санёк бежал справа, и его лицо было каменным — ни страха, ни сомнения. Только на скулах ходили желваки, и пальцы сжимали пистолет до дрожи. Он знал, что значит «бегите». Он знал, что это значит для деда. Арсений бежал первым. Его лицо было каменным, но в груди — там, где сердце колотилось где-то у самого горла — пульсировала одна мысль: «Успеть. Блядь, успеть». Они поняли. Дед прощается. Потому что трое с оружием. Потому что дом — без боевого состава. Женщины, дети, старики. И один дед на крыше с биноклем и пистолетом, который не пробьёт бронежилеты. Они всё поняли. И побежали быстрее.

Ветер бил в лицо, сбивал дыхание, но они не останавливались. Пыль взметалась из-под ног, оседая на траве и кустах. Лес проплывал мимо — серый, зелёный, серый. И где-то там, впереди, за поворотом, был дед.

***

Высокий подошёл к калитке и дёрнул за ручку. Закрыто. Дёрнул сильнее — металл звякнул, но замок не поддался. Он сразу поднял автомат — резко, без колебаний, как будто только и ждал повода. Уже хотел просто взять и прострелить замок, как тут послышался голос из-за калитки. Спокойный, даже ленивый. Как будто человек вышел на крыльцо покурить, а не к автомату лицом.

— Ну что вы, молодые, старика обижаете, — сказал дед. — Сейчас открою. У нас тут не часто гости. А если и заходят, то по-хорошему. Я человек мирный, вы же видите.

Щёлкнул замок. Калитка скрипнула — дед специально не смазывал петли, чтобы слышать, если кто лезет. Звук разнёсся по двору, как предупреждение. Он открыл калитку и встал на пороге, загораживая вход. Руки — в карманах. Без оружия. Лицо — приветливое, как у старого деда, который рад гостям. Только глаза — холодные, цепкие, всё подмечающие. Каждое движение, каждый взгляд, каждое дыхание этих троих. Перед ним стояли трое. Одного он узнал сразу. Прохор. Возил его и на соревнования, и домой после тренировок — по просьбе Арсения. Мальчишка был шустрый, нагловатый, но без злобы. Спортивная злость — она другая, она не убивает. Сейчас этот мальчишка смотрел на него сверху вниз. С автоматом. В бронежилете. С чужим, холодным взглядом. И во взгляде — не узнавание. Пустота. Или просто столько всего повидал, что лица из прошлой жизни стёрлись, превра-

тились в пыль, как всё остальное. Дед решил не показывать, что узнал. Не сейчас. Не так.

— Отец, — сказал Прохор. Голос ровный, без угрозы, но без тепла. — Мы тут ищем одного. Не заходил никто? Человек в белом халате. Врач. Хирург. Петром зовут.

— Ты чего? — дед прищурился, изобразил непонимание. — Тут никого нет. Я один да с женой живу. Ведьмой старой. Огород у нас. Картошка, морковка, огурчики. Скучно, но сытно. А врачи нам не нужны — мы сами лечимся, травами. Бабка моя знает все травы.

— А заражённые? — продолжал спрашивать Прохор. Голос ровный, без угрозы. Просто анкета. — Не встречал, отец?

— Встречал, конечно, — дед вздохнул, покачал головой, притворно тяжело. — Ходят тут, бродят. Каждый день за окном вижу. Страшно, если честно. — Он замолчал на секунду, потом продолжил. — Но я их не трогаю. И они меня — не трогают. Договорились как-то. Может, я для них старый да невкусный. Может, они меня за своего принимают. Не знаю.

Прохор слушал. Не перебивал. Но взгляд его скользнул по двору — по ухоженным грядкам, по поленнице дров, аккуратно сложенной у стены, по верёвкам с бельём, которое колыхалось на ветру. Слишком аккуратно для «старика с ведьмой». Слишком обжито. Слишком жило. Прохор переглянулся со своими.

— Понятно, отец. Дом осмотрим?

— Ну вы чего... — начал дед.

Он не успел договорить. Приклад упал ему на лицо. Удар был резкий, профессиональный. Без замаха — короткий тычок, рассчитанный на то, чтобы сбить дыхание и лишить ориентации. Прохор даже не напрягся. Просто сделал то, что считал нужным.

Кровь хлынула из носа — тёмная, густая. Губа разбилась — дед почувствовал солёный вкус на языке. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли цветные круги. Мир на секунду покачнулся, но он устоял. Не упал. Только схватился рукой за калитку, чтобы не сесть на землю.

— Дом осмотрим, — повторил Прохор. Уже не спрашивая. Утверждая. И шагнул во двор.

Двое других — за ним. Быстро, без лишних движений, как по команде. Дед остался стоять у калитки, держась за кирпичную створку. Кровь капала на траву. Тёмная, густая. Он не вытер. Пусть видят. Пусть знают, что он не сдался.

Прохор пошёл во двор, к дому. За ним — Петренко и Белов. Белов подошёл к деду, взял его под руку — не грубо, но крепко, как берут старика, который может упасть. Тот шёл сам, капая кровью на бетон — чёрные, тяжёлые капли. Разбитая губа распухла, нос сломан — дышать было трудно, воздух проходил с хрипом и свистом. Но дед шёл сам. Не волочили — вёл. И голову не опускал.

— Петренко — за мной. Белов — с стариком останься. — Прохор не обернулся. — Стрелять без приказа. Как понял?

— Так точно, — ответили оба. Голоса — жёсткие, выученные.

— Петренко, осмотри гараж. Я — в дом. Если что — крикни.

— Понял, товарищ капитан.

Петренко кивнул и двинулся к гаражу, бесшумно, как тень. Автомат на груди, стволом в пол, но пальцы на цевье — готов. Прохор шагнул к крыльцу. Дед смотрел ему в спину. И вдруг заговорил — хрипло, с бульканьем, но отчётливо. Кровь из носа затекала в горло, он сплёвывал её на землю, но говорил. Не молчал.

— Капитан значит, — сказал он. — Я повыше твоего буду. В майорах ходил. А ты вот так с прикладом по старикам. Учили тебя, учили. Зря, видно, Арсений с тобой возился. Ты же с ним в одной секции занимался. Он тебя другом называл. Помнишь?

Он посмотрел на Прохора. Не со злобой. Не с вызовом. С усталостью. И с чем-то ещё — старым, забытым, что лежало в душе много лет. Может, с обидой. Может, с разочарованием. Прохор остановился. Обернулся. И впервые за всё время — замешкался.

— Алексей Александрович, да вроде? — он сощурился, приглядываясь. — Дед Петровича. Где внук?

— Умер внук, — ответил дед. Спокойно. Слишком спокойно. — Нет его больше. Доволен?

И он плюнул кровью под ноги Прохору. Красное на серый

бетон. Тёмное, густое. Прохор посмотрел на пятно. Потом на деда. Ничего не сказал. Удар прилетел снова. Короткий. Тяжёлый. Не прикладом — кулаком. В челюсть. Слева, с разворота — профессионально, с переносом веса. Прохор бить умел. Дед не успел сгруппироваться. Тело обмякло, глаза закатились — и он осел на колени, потом на бок. Голова ударилась о бетон. Глухо, как падает мешок.

Белов наклонился, проверил пульс — приложил пальцы к шее, подождал секунду, другую.

— Живой, товарищ капитан. Пульс есть. Сильный.

— Вяжи, — бросил Прохор, не оборачиваясь. — В гараж. К стене. Чтоб не шевелился.

— Есть.

Белов начал доставать верёвку — серую, капроновую, намотанную на катушку. Дед лежал на бетоне, дыхание было хриплым, но ровным. Сознание не вернулось. Прохор стоял над ним, смотрел на его седую, залитую кровью голову. Лицо у Прохора было каменное. Но пальцы на автомате чуть дрогнули — сжались, разжались. Он отвернулся.

— Петренко, доложи обстановку.

— Чисто, товарищ капитан, — голос Петренко раздался из гаража. — Гараж пустой. Инструмент, канистры, старые сети. Людей нет. И следов, что кто-то жил, тоже нет. Только это.

— Осмотри дом. Быстро. И без шума.

— Есть.

Петренко вышел из гаража и направился к дому. Прохор остался стоять во дворе. В ушах звенело от тишины. От крови на бетоне. От слов старого майора. «Арсений с тобой возился. Ты же его другом называл». Прохор сжал зубы. И шагнул к крыльцу.

***

Пацаны подошли к трёхэтажке рядом с их крепостью. Здание стояло на отшибе, полуразрушенное, с выбитыми окнами и облупившимся фасадом, но это был лучший наблюдательный пункт во всей округе. С его крыши просматривался весь посёлок — каждый двор, каждая калитка, каждая тропинка. Они забежали внутрь через пролом в стене, перепрыгивая через груды битого кирпича и ржавую арматуру. Внутри пахло сыростью, плесенью и старой, забытой жизнью.

— Никитос, на крышу. Минута тебе на осмотр территории, — скомандовал Арсений, не сбавляя шага. Голос был ровным, но в нём прорезалась сталь — та самая, которая появляется, когда уже нечего терять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.